

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»

ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge

2020 Vol. 3 №2 (8)

Журнал Caucasian Science Bridge

является периодическим печатным изданием, публикующим статьи по направлениям:

07.00.00 «Исторические науки и археология»,

22.00.00 «Социологические науки», 23.00.00 «Политология».

Издание предназначено для публикации основных результатов исторических, политических и социокультурных исследований развития макрорегиона Большой Кавказ в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Данное магистральное направление сочетается с немаловажной миссией журнала, связанной с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки, что предполагает возможность публикации в данном издании исследований других регионов современного мира в координатах профиля журнала. Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет.

Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication publishing articles in the directions of:

22.00.00 “Sociological Sciences”,

23.00.00 “Politics”, 07.00.00 “Historical Sciences and Archeology”.

The journal is geared on publishing articles in the field of historical, political and sociocultural research of the development of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region. This tramline is combined with the mission of the journal: to create an intellectual and discussion platform. Consequently, the articles dedicated to other regions of the world, written within the framework of the journal profile are published. The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years.

Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly.

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 08.06.2020. Подписано в печать 29.06.2020. Выход в свет 30.06.2020.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 8,25. Тираж 550 экз. Заказ № 96.

Отпечатано в типографии ООО «Фонд науки и образования»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111. Тел. 8-918-570-30-30.

Главный редактор:

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Билалов Мустафа Исаевич – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Бодио Тадеуш – доктор политических наук, профессор, Варшавский университет; Польская академия наук, г. Варшава, Польша

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем, г. Ростов-на-Дону, Россия

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ибрагимов Айдын Исмаил-оглы – доктор географических наук, Эгейский университет, г. Измир, Турция

Квициани Джонни Джокиевич – доктор исторических наук, профессор, Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, г. Тбилиси, Грузия

Койбаев Борис Георгиевич – кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

Мкртчян Артур Ервандович – доктор философских наук, профессор, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Новрузов Рафиг Манаф-оглу – доктор филологических наук, профессор, Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

Патеев Ринат Фаикович – кандидат политических наук, директор Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Прити Дибьенду Дас – доктор философских наук, старший научный сотрудник, Центр исследований России и Центральной Азии, Университет Джавахарлала Неру, г. Нью-Дели, Индия

Райко Гнято – доктор географических наук, Баня-Лукский университет, г. Баня-Лука, Республика Сербская

Рязанцев Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Россия

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Тхагапсоев Хажисмель Гисович – доктор философских наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

Шадже Асиет Юсуфовна – доктор философских наук, профессор, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акаев Вахит Хумидович – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Бадмаев Валерий Николаевич – доктор философских наук, профессор, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Дьяченко Анжела Николаевна – кандидат философских наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кузнецов Аркадий Вячеславович – Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Максимчик Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Старостин Александр Михайлович – профессор, доктор политических наук, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

Хачецуков Заур Махмудович – кандидат философских наук, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Хопёрская Лариса Львовна – доктор политических наук, Киргизско-Российский славянский университет, г. Бишкек, Киргизия

Шафаги Марьям – преподаватель русского языка, Университет им. Алламе Табатабаи, г. Тегеран, Иран

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский научный центр РАН, г. Махачкала, Россия

Chief Editor:

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bilalov Mustafa Isayevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Bodio Tadeusz – Doctor of Political Sciences, Professor, Warsaw University; Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Druzhinin Aleksandr Georgievich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, North-Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Rostov-on-Don, Russia

Dyatlov Aleksandr Viktorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Ibragimov Aydin Ismail oglu – Doctor of Geographical Sciences, Aegean University, Izmir, Turkey

Kvitsiani Joni Djokievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

Koybayev Boris Georgievich – Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Mkrtichyan Arthur Ervandovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Novruzov Rafiq Manaf oglu – Doctor of Philological Sciences, Professor, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

Pateev Rinat Faikovich – Candidate of Political Sciences, Director of the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia

Preeti Dibyendu Das – Doctor of Philosophical Sciences, Senior Assistant Professor, Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Raiko Gnato – Doctor of Geographical Sciences, Banja Luka University, Banja Luka, Republika Srpska

Ryazantsev Sergey Vasilievich – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Professor, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Trapsh Nikolay Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Tkhagapsoev Khazhismel Gisovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

Shadzhe Asiet Yusufovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Adyghe State University, Maykop, Russia

EDITORIAL TEAM

Akaev Vakhit Khumidovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia

Astvatsaturova Maya Artashesovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Badmaev Valeriy Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kalmyk State University, Elista, Russia

Bedrik Andrey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bespalova Anna Aleksandrovna – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, G.R.Derzhavin Tambov State University, Tambov Russia

Dyachenko Angela Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaly Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Krinko Evgeniy Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russia

Kuznetsov Arkady Vyacheslavovich – Tyumen State University, Tyumen, Russia

Maksimchik Andrey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus

Khachetsukov Zaur Makhmudovich – Candidate of Philosophical Sciences, Adyghe State University, Maykop, Russia

Starostyn Aleksandr Mihaylovich – Professor, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute for Interdisciplinary Researches of Global Processes and Globalization, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Khopyorskaya Larisa Lvovna – Doctor of Political Sciences, Kyrgyz-Russian Slavonic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Shafaghi Maryam – Russian Language Teacher, Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Science Center of RAS, Makhachkala, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕГИОНА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Мининков Н.А.

Письма в архивных документах о донских старообрядцах
конца XVII в. 10

Дингес М.А.

Призыв на военную службу лиц духовного сословия в период
правления Анны Иоанновны (по материалам архивного фонда
Нижегородской духовной консистории) 15

Назаренко В.В.

О ранней истории прихода стефанидиновдарской церкви 20

Колесов В.И.

Эвристический потенциал коллекции метрических книг
церквей Екатеринодара 26

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Степаненко С.А.

Новые данные об обороне Нижнего Дона в 1855 г.:
загадки Переволочных батарей 32

Мининкова Л.В.

Большевистские воспоминания о событиях 1907-1914 гг.
в отечественных архивах 46

Информация для авторов 51

CONTENTS

SOCIAL INSTITUTIONS OF THE REGION: PAST, PRESENT, FUTURE

Mininkov N.A.

Letters in archival documents about the Don Old Believers in the late XVII century	10
---	----

Dinges M.A.

Conscription of the clergy during the reign of Anna Ioannovna (based on the materials of the archive fund of the Nizhny Novgorod Ecclesiastical Consistory)	15
---	----

Nazarenko V. V.

The early history of the Stephanidodar church	20
---	----

Kolesov V.I.

Heuristic potential of the collection of metric books of Yekaterinodar churches	26
--	----

DISCUSSION TRIBUNE

Stepanenko S.A.

New data on the Lower Don defense in 1855: the riddles of the Perevolochna Squadron	32
--	----

Mininkova L.V.

Bolshevik memoirs of the events of 1907-1914 in the national archives	46
--	----

Information for authors	51
--------------------------------------	----

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕГИОНА
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

УДК 94(470 16/18)

Письма в архивных документах о донских старообрядцах конца XVII века**Н.А. Миников***Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. К источникам по истории массового движения старообрядцев на Дону относятся письма, которые писали руководители движения и их противники. Письма сосредоточены в составе архивного фонда «Донские дела» РГАДА. Они дают возможность более полно и обстоятельно представить ход событий этого движения и отношения к нему со стороны разных лиц, участвовавших в событиях. Преобладающими источниками по истории этого движения являются материалы делопроизводства. Среди этих документов свое место занимают письма разных авторов, которые имели разных адресатов, как индивидуальных, так и коллективных. Все письма, относящиеся к событиям этого движения, имеют особый характер. Они, с одной стороны, отражают личные переживания их авторов и на этом основании близки к эго-документам. Но, с другой стороны, все эти письма имеют вполне деловое содержание и достаточно близки к официальным документам. Цель авторов всех этих писем состояла в том, чтобы оказать влияние на своих адресатов, дать им основания для действий в определенном направлении, желательном для авторов. Интерес к этим письмам определяется тем, что в них содержатся сведения об отношении к событиям и людям отдельных лиц в войске Донском. Вместе с тем они расширяют сведения о самих событиях старообрядческого движения, дают более полную и ясную его картину и представление о том, как конкретные события сказывались на судьбах разных людей. Они приближают исследователя к познанию событий и к общему пониманию явления на микроуровне.

Ключевые слова: РГАДА; фонд «Донские дела»; письма донских старообрядцев конца XVII века.

Для цитирования: Миников Н.А. Письма в архивных документах о донских старообрядцах конца XVII века // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. №2. С. 10-14.

Letters in archival documents about the Don Old Believers in the late XVII century**Nikolai A. Minikov***Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The sources for the history of the mass movement of Old Believers on the Don include letters written by the leaders of the movement and their opponents. The letters are concentrated in the archival collection "Don Affairs" of Russian State Archive of Ancient Acts. They give a more complete and thorough picture of the course of events of this movement and the attitudes towards it of the different individuals involved in the events. The predominant sources for the history of the movement are materials of records management. Among these documents a place belongs to the letters of different authors, which had different addressees, both individual and collective. All the letters relating to the events of this movement have a special character. On the one hand, they reflect the personal experiences of their authors and on this basis are close to ego-documents. But on the other hand, all these letters have quite businesslike content and are quite close to official documents. The purpose of the authors of all these letters was to influence their addressees, to give them grounds for action in a certain direction, desirable for the authors. The interest in these letters is determined by the fact that they contain information about the attitude to the events and people of individuals in the Don Army. At the same time, they expand the information about the events of the Old Believer movement, give a more complete and clear picture of it and an idea of how specific events influenced the lives of different people. They bring the researcher closer to cognition of events and a general understanding of the phenomenon at a micro level.

Key words: Russian State Archive of Ancient Acts; fund "Don Files"; letters of Don Old Believers at the end of XVII century.

For citation: Minikov N. A. Letters in archival documents about the Don Old Believers in the late XVII century // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol 3. No 2. P. 10-14.

Движение старообрядцев на Дону 1686-1689 гг., наиболее мощное по числу участников и ожесточенное в России второй половине XVII в. среди выступлений на религиозной почве, нашло отражение в документах нескольких фондов РГАДА.

Наиболее значительный массив этих дел сосредоточен в фонде 111 «Донские дела». Относящиеся к этому движению документы фонда частично публиковались выдающимся историком старообрядчества и донского казачества В.Г. Дружининым в 1872 г. в 12 томе Дополнений к Актам историческим и в 1889 г. в его фундаментальном исследовании «Раскол на Дону в XVII веке». После В.Г. Дружинина движение привлекало целый ряд исследователей истории старообрядчества и донского казачества. Оно вызывает интерес вплоть до настоящего времени.

Преобладающими источниками по истории этого движения являются материалы делопроизводства. К ним относятся царские грамоты войску Донскому, войсковые отписки в Москву, а также материалы, относящиеся к следственным действиям в отношении донских старообрядцев и судебный приговор. Среди этих документов свое место занимают письма разных авторов, которые имели разных адресатов, как индивидуальных, так и коллективных. Все письма, относящиеся к событиям этого движения, имеют особый характер. Они, с одной стороны, отражают личные переживания их авторов и на этом основании близки к эго-документам. Но, с другой стороны, все эти письма имеют вполне деловое содержание и достаточно близки к официальным документам. Цель авторов всех этих писем состояла в том, чтобы оказать влияние на своих адресатов, дать им основания для действий в определенном направлении, желательном для авторов. Среди авторов был наиболее видный и авторитетный предводитель донских старообрядцев Кирей Матвеев Чурносков, но большинство авторов были противниками старообрядцев. Это прежде всего войсковые атаманы Фрол Минаев и Иван Семенов, знатный черкасский казак Ян Греченин и некоторые не названные по имени авторы.

Интерес к этим письмам определяется тем, что в них содержатся сведения об отношении к событиям и людям отдельных лиц в войске Донском. Вместе с тем они расширяют сведения о самих событиях старообрядческого движения, дают более полную и ясную его картину и представление о том, как конкретные события сказывались на судьбах разных людей. Они приближают исследователя к познанию событий и к общему пониманию явления на микроуровне, или на уровне отдельной личности. А для исторического познания то не менее существенно, чем общее знание о событии и явлении и их социально-политической сущности. Кроме того, все письма казаков, выступавших против старообрядцев, представляли собой донос, или извет на языке того времени. На это указывает стремление авторов таких писем добиться от московского правительства более активного вмешательства в ситуацию в войске Донском и побудить его к более решительным действиям против старообрядцев. Налет доноса в этих письмах не случаен. На памяти донской казачьей верхушки, которая тесно связала свою судьбу с русскими властями, были события на Дону 1670 г., когда восставшие казаки во главе со своим атаманом Степаном Разиным, по существу, захватили всю власть, оттеснив от нее войско Донское. И вплоть до решающего поражения разинцев под Симбирском у войска Донского не было сил для противостояния восставшим казакам. Нечто подобное они видели и в период движения старообрядцев, когда летом 1687 г. вблизи Черкасска вырос их целый городок, а возглавлял старообрядцев Кузьма Косой, а для войска Донского вновь обозначилась угроза потери власти.

Наиболее ранними из этих писем были три письма донских казаков, о которых говорилось, что они «люди добрые, которые служат великим государем верно и расколу не держатца» из Черкасска (*Дополнения к Актам историческим*, С. 147). Все они были направлены московскому священнику Василию Ивановичу, который служил на Дону, был в походе на Крым 1687 г. и из похода на Дон не вернулся. Причина состояла в том, что он «за тем расколом сшел и приехал к Москве». Письма весьма про-

странные. Они дают сведения о событиях, происходивших в Черкасске и в других местах на территории войска Донского, и отражают большой страх этих писавших казаков перед старообрядцами. Ценность этих сведений в том, что они давались непосредственными свидетелями. В то же время следует иметь в виду их заинтересованность в том, чтобы представить своих противников, видных старшин и казаков-старообрядцев, в самом негативном с точки зрения московской власти виде.

Появление старообрядцев на Дону в письме объясняется гневом свыше «за прегрешение наше», когда господь наслал «пожар, что чють и самих не пожгло», который в самом деле произошел в Черкасске в ноябре 1687 г. и выжег весь город, и «растленных человек». В числе этих «растленных» упоминались старообрядцы, которые летом 1687 г. «пришли было на остров выкоренити всех», во главе которых стоя не названный в письме Кузьма Косой. Но названы были в качестве «растленных» донские казаки-старообрядцы и старообрядческие священники. В письме был показан ход событий. По мнению авторов, все началось с прихода к Черкасску «растленных» и с донского старообрядческого священника, «учителя, проклятого попа Маницкого Самойла», проповедь которого была адресована «(войсковому – Н.М.) атаману Самойлу (Лаврентьеву – Н.М.), и го единомышленником, Павлу Чекунову, да Леонтию Белогородцу, Пахому Сергееву и иным, их же единомышленником». Но особенно резко в письме говорилось о Кирее Чурносове, в котором авторы справедливо видели наиболее последовательного и опасного из всех знатных казаков-старообрядцев. Авторы вспоминали, что еще в 1685 г., когда он возвращался как старичный атаман из Москвы, которого посылали от войска Донского бить челом о монастырях на Дону, говорил «во уши народу простому» речи, направленные против новых церковных порядков, «пущал яд, яко змея в уши Еввы». Они особо подчеркивали, что Чурносов делал это, уже «взяв жалованье великих государей» (*Дополнения к Актам историческим*, С. 149). Об опасности подобных слов Чурносова в письме говорилось очень определенно. По словам письма, «простой народ, яко овцы, не имущие пастыря, видя его слова лукавые, все веры поняли, иные туды ж в погибель вечную пошли во след его».

Еще более резко на опасность для государства от намерений Кирея Чурносова указывалось во втором письме. Так, он прямо заявлял о своем намерении в качестве атамана идти на Москву, говоря при том, что «задрожит от меня и Москва вся». Еще большие опасения властей должно было вызвать слова Чурносова о том, что «аще де сами не учиним, подойдем мы многие орды к себе и калмык и за веру станем». Как шаг на пути к осуществлению этого намерения указывалось на установление побратимства между Чурносовым и калмыцким Чаган Батыром, причем тайша заявлял Чурносову, что «аще де опалится ваш царь на вас, я вас не выдам, станем один за друга хотя против кого нибудь». Чурносов и атаман Самойло Лаврентьев также, как указывалось в письме, «посылали письма свои на Еик и на Терек, а в грамотах своих писали, чтобы не слушали ни царей, ни патриархов, но крепко держались за веру старую». Не менее опасным для властей было заявление Чурносова, сделанное летом 1687 г., перед походом русских войск во главе с князем В.В.Голицыным на Крым, в котором должно было участвовать войско Донское. Чурносов выражал сомнение в необходимости для донских казаков участвовать в этом походе и говорил, что «куды де нам идти на крымского? Надобно тут первое очистить, лутче де ныне Крымской, нежели наши цари на Москве; перво тут очистить, да ужь де тогда на Крым итить; да для де чего куды и ходить? У нас де свой горше Крыму» (*Дополнения к Актам историческим*, С. 151). Эти сведения из письма особенно интересны тем, что отражали перемены в политическом сознании части донского казачества. Усиление позиций русского правительства на Дону неизбежно должно было вести, как Чурносов понимал

со своими сторонниками, к дальнейшему ограничению самостоятельности войска Донского. Отсюда и прямое его указание на то, что «Крымской» сейчас «лутче», «нежели наши цари на Москве». В этих словах также проявились две ценностные ориентации, которые сложились к концу XVII в. среди донских казаков. Одна из них выражалась Киреем Чурносвым и его сторонниками, казаками-старообрядцами. Они стремились к сохранению самостоятельности Дона, не желали усиления московской власти над войском Донским. Но другая группа старшин и казаков, к которым относились «добрые люди», авторы письма, были готовы принять усиление правительственной власти на Дону в обмен на царское жалованье. Но, между тем, известно, что сам Чурносков действовал не вполне в отношении участия в походе на Крым в соответствии со своими словами. Он сам принял участие в этом походе в должности донского походного полковника при походном атамане Фроле Минаеве.

В третьем письме в центре внимания авторов оказался также Чурносков, и описывались «пакости его проклятого Кирюшки». О некоторых из них говорилось в предыдущем письме, к новым «пакостям» было отнесено то, что он «в полках будучи в прошлом году называл государскую силу Голиядскою». Авторы выражали свою готовность стать «с ним проклятым Кирюшкою Чюнкосовым и на очную ставку» и просили священника Василия Ивановича доложить о том, что написано в их письмах, «благочестивым царем и святейшему патриарху» (*Дополнения к Актам историческим*, С. 153). О том, что «добрые люди», писавшие эти три письма, были близки к войсковому атаману Фролу Минаеву, решительному противнику старообрядцев, свидетельствует наличие вместе с этими письмами четвертого, короткого письма Василию Ивановичу от самого Минаева. В нем войсковой атаман «о чем, что было к тебе писать много», он «о том приказал говорить ... речью» (*Дополнения к Актам историческим*, С. 154).

Несколько писем было направлено с Дона князю В.В.Голицыну. В письме атаманов Фрола Минаева и Ивана Семенова содержалась благодарность за арест Кирея Чурносова и казаков-старообрядцев из его станицы. Атаманы давали при этом сведения об обстановке в войске Донском в то время, когда на короткий срок, летом 1687 г., войсковым атаманом оказался Самойло Лаврентьев в связи с уходом Фрола Минаева во главе донского походного войска на Крым. Атаманы писали, что в это время Чурносков «со своим единомысленником реку всю возмудил». Он «добрых людей побить хотел, никто не смел говорить ни тайно ни писать». В письме наглядно выражен страх авторов, как и вообще всех противников донских старообрядцев, что «Кирюшке и Пашке (Чекунову – Н.М.) быть назад възвороту». Указывая на возможность этого, они писали, что «войско еще не твердо укрепилось». В таком случае, предупреждали они князя В.В.Голицына, «они всеми возмутят и государем великое воровство учинят, а добрым людям всем от них будет гибель» (*Дополнения к Актам историческим*, С. 197). Оба атамана просили отпустить арестованного вместе с станичными старообрядцами казака Федота Мороза, который жил на Чиру, имел связи со старообрядцами, но «отстал» от них, «перешол жить в Черкасской и курень купил». От него, обещали атаманы, «худобы и расколу не будет». Отдельно от Минаева два письма послал В.В.Голицыну И.Семенов. В отношении донских старообрядцев информация в его письме в целом повторялась. Письмо также дает представление о масштабах черкасского пожара. Как писал Семенов, он «от того пожарного времени разорился наипаче того», «пожитки все погорели ... без остатку», «одетца не во что, и с детишками помираю голодною смертию». Кроме того, писал он, у него «какие были купленные ясыри, и те разбежались и до конца разорили» (*Дополнения к Актам историческим*, С. 198). На этом основании он просил жалованья.

Особое письмо князю В.В.Голицыну прислал казак Ян Греченин. Письмо дошло в переводе с греческого на русский язык. Письмо особенно интересно тем, что в нем автор

подробно рассказал о своем личном участии в событиях, приводил исторические справки, свидетельствующие о знании казаками своей истории, и давал характеристики отдельным казакам-старообрядцам, своим противникам, причем знал их лично. Призывая власти к решительным действиям против старообрядцев, Греченин отмечал, что, когда за участие в воровстве казаков не наказывали, это имело плохие последствия. Это, по его словам, было, когда «в прошлые де некоторые времена убили они боярина Карамышева», а затем они «взяли Астрахань и побили бояр и иных приказных людей». Говоря об Астрахани, он имел в виду Разинское восстание. Указывая на недостаток сил у старшин для борьбы со старообрядцами, он привел деталь, которая выдает в нем живого свидетеля. Когда писал Гречин, Фролу Минаеву казаки говорили о необходимости выдать в Москву атамана Самойлу Лаврентьева по требованию правительства, он «бросил свою насеку и говорил: смирить де их некому» (*Дополнения к Актам историческим*, С. 200). Как настоящий донос выглядело перечисление Гречиным имен старшин и казаков, которых необходимо было арестовать прежде всего.

Сохранился текст одного из писем, которое Кирей Чурносков намеревался отправить на Дон уже после своего ареста в Москве 5 марта 1688 г. Написано оно было Ф.Минаеву и «атаманом-молодцом». Арестованный стремился, чтобы верхушка войска Донского вступилась за него, а свое нежелание брать с собой по требованию правительства С.Лаврентьева и вести его в Москву он объяснял тем, что в то время, в ноябре 1687 г., Самойло был «немошен». Он просил Ф.Минаева разыскать «те тайные поклепные письма» на него, «чтобы от таковых писем в конец не погнута» (РГАДА, 565) по обвинениям в расколе и воровстве. Надежды Кирея Чурносова на помощь от войска Донского, выраженные в этом письме, не оправдались.

Таким образом, среди архивных дел, относящихся к массовому движению старообрядцев на Дону конца XVII в., немалое место занимают письма разных лиц по разным адресам. Они позволяют узнать некоторые дополнительные факты, относящиеся к событиям, и отношение к ним участников борьбы на почве старообрядчества. В значительной мере они раскрывают «человеческое» содержание этого крупного явления донской и российской истории того периода.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мининков Николай Александрович

Доктор исторических наук,

Профессор

Институт истории и международных отношений,

Южный федеральный университет

E-mail: mininkov@aaanet.ru

Mininkov Nikolay Aleksandrovich

Doctor of Historical Sciences,

Professor

Institute of History and International Relations,

Southern Federal University

E-mail: mininkov@aaanet.ru

Литература

1. Дополнения к Актам историческим. СПб., 1872. Т.12, 469 с.
2. Дружинин В.Г. (1889). Раскол на Дону в конце XVII века. СПб.: 335 с.
3. Российский государственный архив древних актов. Ф.111. 1688. № 5.

References

1. Supplements to the Acts of History. SPb., (1872). Vol. 12, 469 p.
2. Druzhinin V.G. (1889). The Schism at the Don at the end of the 17th century. SPb.: 335 p.
3. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 111, 1688, 5.

Поступила в редакцию

19 апреля 2020 г.

УДК 94

**Призыв на военную службу лиц духовного сословия
в период правления Анны Иоанновны
(по материалам архивного фонда Нижегородской духовной консистории)**

М.А. Дингес

*Центральный архив Нижегородской области,
г. Нижний Новгород, Россия*

Аннотация. Статья посвящена призыву на военную службу лиц духовного сословия в период правления императрицы Анны Иоанновны. На документах Центрального архива Нижегородской области представлено то, как проходил процесс призыва, поиска неявившихся на сборы. Особое внимание уделено отправлению в армию неприягнувших и «праздных церковников», не состоящих ни при монастыре, ни при церковном причте. Указ от 6 февраля 1737 г. вводил возможность откупиться от призыва, предоставив вместо себя рекрута и заплатив в казну. После этого можно было перейти в купеческое или ремесленное сословие, либо, если человек хотел пойти по духовной стезе, он обязан был пройти трехлетнее обучение грамматике, риторике и, по желанию, философии, после чего должен был выдержать экзамен, что дало ощутимый толчок стремительному развитию церковного образования. Материалы Нижегородской духовной консистории представляют собой обширную источниковую базу для исследования кампании военного призыва духовенства в период правления Анны Иоанновны и численности призванных по отдельным городам и пятинам Нижегородской губернии.

Ключевые слова: Анна Иоанновна; военные призывы духовенства; Центральный архив Нижегородской области; неприягнувшие; «праздные церковники»; рекрут; церковное образование.

Для цитирования: Дингес М.А. Призыв на военную службу лиц духовного сословия в период правления Анны Иоанновны (по материалам архивного фонда Нижегородской духовной консистории) // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. №2. С. 15-19.

**Conscription of the clergy during the reign of Anna Ioannovna
(based on the materials of the archive fund
of the Nizhny Novgorod Ecclesiastical Consistory)**

Mikhail A. Dinges

*Committee for Archives of the Nizhny Novgorod Region
Nizhny Novgorod, Russia*

Abstract. The article is devoted to the conscription of the clergy during the reign of the Empress Anna Ioannovna. The documents of the Central Archive of the Nizhny Novgorod Region show how the process of conscription took place, the search for those who did not show up for training camps. Special attention is paid to the sending to the army of non-sworn and "idle churchmen" who are not members of either the monastery or the church clergy. The decree of February 6, 1737 introduced the opportunity to buy off the draft, providing a recruit instead of himself and paying to the treasury. After that, it was possible to go to the merchant or craft class, or, if a person wanted to follow the spiritual path, he was obliged to pass three years of training in grammar, rhetoric and, if desired, philosophy, after which he had to pass an exam, which gave a tangible impetus to the rapid development of church education. The materials of the Nizhny Novgorod Ecclesiastical Consistory are an extensive source base for the study of the military conscription campaign of the clergy during the reign of Anna Ioannovna and the number of conscripts in individual cities and towns of the Nizhny Novgorod province.

Keywords: Anna Ioannovna; military appeals of the clergy; Central Archive of the Nizhny Novgorod region; non-sworn; "idle churchmen"; recruit; church education.

For citation: Dinges M. A. Conscription for military service of persons of the spiritual estate during the reign of Anna Ioanovna (based on the materials of the archival fund of the Nizhny Novgorod Ecclesiastical Consistory) // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol 3. No 2. P. 15-19.

Правление Анны Иоанновны (1730-1740 гг.) было тяжелым временем для православной церкви. Церковная политика ее царствования была прямым продолжением политики Петра Великого, заключавшейся в стремлении полностью подчинить

церковь интересам государства. Так, вице-канцлер А.И. Остерман уже после смерти Анны Иоанновны писал в записке регентше Анне Леопольдовне в 1741 г. о необходимости придерживаться петровского духовного регламента, которым могут быть недовольны только «некоторые чревослужители (угодники, служители мамоне)» (*Мнение графа..., 1873, с. 261*). На духовенство правительство смотрело как на сословие, с одной стороны, в массе своей непросвещенное, косное, с другой стороны – содержащее огромное количество «праздных» людей, которых необходимо привлечь к работе на государство (*Титлинов Б.В., 1905, с. 208*). Одной из мер такого «привлечения» стали военные призывы духовенства, проводившиеся во время русско-турецкой войны 1735-1739 гг. 28 сентября 1736 г. вышел указ о призыве на военную службу детей церковно- и священнослужителей и «недействительно служащих дьячков» (*Полное собрание..., Т.Х, с. 943-948*).

Нижегородский губернатор И.М. Волынский проявил в этом деле особую активность: в Нижегородской губернии призывались не только дети духовенства, но и служащие дьячки и пономари, не могла помочь укрыться от разбора и учеба в школе. В 1737 г. из 961 церкви 21 были пусты, в 520 не было полного штата (*Титлинов Б.В., 1905, с. 248*). К 1739 г. пустующих церквей было 23, всего же для пополнения церковных штатов требовалось 1153 священно- и церковнослужителей (*Титлинов Б.В., 1905, с. 269*). Всего было из Нижегородской губернии было призвано 1233 представителя духовенства – здесь она уступает только Казанской (1464) и Новгородской (1296) губерниям (*Титлинов Б.В., 1905, с. 270*).

В Центральном архиве Нижегородской области, в архивном фонде Нижегородской духовной консистории, хранится большое число документов, связанных с организацией военного призыва духовенства за 1736-1739 гг. В первую очередь это массив документов об организации смотров детей священно- и церковнослужителей, а также самих церковнослужителей. Также это копии указов Святейшего синода нижегородскому архиепископу Питириму (а после его смерти в 1738 г. – архиепископу Иоанну), указы и инструкции из консистории, списки подлежащих осмотру, реестры осмотренных. Конечно, до нас дошел далеко не весь массив такого рода документов, об общей численности призванных представителей духовенства по губернии они не дадут полного представления. Но они позволяют узнать численность призванных по отдельным городам и пятинам Нижегородской губернии.

Основной массив документов по призыву духовенства приходится на 1737-1738 гг. Здесь, кроме вышеуказанных типов документов, появляются прошения об освобождении от военной службы, дела и допросы, связанные с обвинениями в неявке на сборы. Увеличение документации связано и с указом от 21 января 1737 г. (*Полное собрание..., Т.Х, с. 29-35*), который определил общий порядок разбора и повелевал Синоду составить списки людей духовного звания, без которых невозможно полностью обеспечить состав церковных причтов.

Неявившихся на сборы искали – и искали весьма активно. Так, сын умершего священника с. Барышская Слобода Алаторского уезда Градской пятины Борис Козьмин с 1733 г. проживал в рыбацком поселке Камышенки в низовьях Волги у рыбака Ивана Борисова. После начала военных сборов консистория поручила сыну нового священника Барышской Слободы Сергею Иванову и дьякону Ивану Андрееву найти пропавшего «попова сына». И им удалось это сделать – в 1737 г. Борис Козьмин был пойман ими на рынке в Симбирске. Приведенный в консисторию Борис Козьмин тут же выдал своего брата: оказывается, он также не явился в консисторию на сборы. Искать его поручили священнику Барышской Слободы Ивану Иванову и тому же дьякону Ивану Андрееву. В случае неудачи им грозил «немалый штраф и наказание» (*ЦАНО, 1737, л. 1-2*). Этот случай хорошо иллюстрирует тезис о слабом корпоративном

самосознании в России той эпохи: оно ломалось всемогуществом государства, которое активно поощряло доноительство (*ЦАНО, 1737, с. 130*).

Порой проблемы возникали и после призыва. Никита Андреев, сын священника с. Княжуха Алатырского уезда Градской пятины, 19 лет от роду явился в 1737 г. в консисторию на смотр и был отдан в солдаты. Неделью он под командованием капитана Дромантова учил полковой артикул и затем должен был вместе со своей ротой направиться в Киев. Но перед самым отправлением, когда подпоручик Чемесов оглашал список солдат, оказалось, что в списке Никиты Андреева нет. После чего Чемесов приказал вывести его из строя – и он остался в Нижнем Новгороде (по его словам, никакой взятки неудавшийся солдат подпоручику за это не давал). «Простотою своей» он не догадался сразу пойти к капитану Дромантову узнать, в чем же дело – вместо этого Никита Андреев жил некоторое время в Кремле при боярском дворе у дворника Григория Акимова. В итоге он пошел за советом к архимандриту Филарету Печерскому, который отправил его вместе со своим келейником в консисторию (*ЦАНО, 1737, л. 5-5 об.*). Вероятно, взятки и в самом деле не было, а имела место «простота» Никиты Андреева и нерадивость подпоручика Чемесова, который не позаботился о том, чтобы отсутствующего в списке солдата направили для разбирательства к начальству.

Указ от 6 февраля 1737 г. вводил возможность откупиться от призыва, предоставив вместо себя рекрута и заплатив в казну 30 рублей (либо 200 рублей без предоставленного рекрута). После этого он мог либо перейти в купеческое или ремесленное сословие, либо, если человек хотел пойти по духовной стезе, он обязан был пройти трехлетнее обучение грамматике, риторике и, по желанию, философии, после чего должен был выдержать экзамен. В случае провала он должен был быть призван на военную службу (*Полное собрание..., Т. X, с. 41-42*).

Документы показывают, что на местах зачастую возникали проблемы с реализацией этого указа. Так, 3 сентября 1739 г. вышел указ Нижегородской духовной консистории церковным старостам Работкинской, Лысковской, Курмышской и Терешевской о поимке тех, кто, заплатив положенную сумму и предоставив вместо себя рекрута, не отдал в губернскую канцелярию реверса, по которому они должны были пройти обучение, а через три года сдать экзамен (*ЦАНО, 1739, л. 1*).

Во время наборов правительство особенно жестко относилось к тем детям священно- и церковнослужителей, которые не принесли присяги императрице Анне Иоанновне в 1730-1731 гг.: по указам от 23 декабря 1736 г. (*Полное собрание..., Т. IX, с. 1012*) и от 13 января 1737 г. (*Полное собрание..., Т. X, с. 18-19*) их безоговорочно брали в солдаты. Дело в том, что во время проведения по всей стране присяг обнаружилось, что огромное число представителей духовенства не расписалось в присяжных листах. Конечно, подавляющее большинство сделало это вовсе не из политического протеста. Во-первых, как позже было объявлено, расписываться нужно было всем без исключения с 8 лет. Плетьюми неприсягнувших детей до 12 лет не наказывали – за них наказание получали их родители. Во-вторых, многие церковники не знали, что нужна не просто устная присяга, а роспись, что присягать нужно не только священникам, но и церковнослужителям и т.д. В-третьих, многие отсутствовали на присяге по объективным причинам. (*Титлинов, 1905, с. 204*).

Дело о присягах нашло отражение и в документах Нижегородской духовной консистории. В Нижегородской губернии активная деятельность по выявлению неприсягавших совпала с началом кампании по военному призыву духовенства – ведомости о бывших и небывших у присяги начали составлять с 1736 г. Небывших у присяги забирались в солдаты безоговорочно – отсюда и потребность в списках.

Другая категория духовенства, представителей которой отправляли в армию – это «праздные церковники», т.е. люди, формально принадлежащие к духовному со-

словию, но не состоящие ни при монастыре, ни при церковном причте. Так, Ефим Петров, священник села Печерки Арзамасского уезда, спешил в донесении от 5 января 1737 г. уведомить архиепископа Питирима, что неграмотный «двоеженец» (то есть состоящий во втором браке) Савелья Филиппов, формально числившийся пономарь, на самом деле давно уже перешел в подушный оклад и в церкви не служил. Вину же за ложное информирование государства священник перекладывал на протопопа Никифора Козьмина, который заставил его «подневолию с пристрастием» (ЦАНО, 1736, л. 1) указать убывшего пономаря действительным.

В 1739 г. русско-турецкая война завершилась подписанием 20 сентября Белградского мира. Россия получила лишь Азов, без права строить в нем укрепления, и небольшую территорию вдоль среднего течения Дуная. Мечты фельдмаршала Миниха об освобождении греков и кресте над Святой Софией (Курукин И.В., 2014, с. 344-345) оказались несбыточными. Но духовенство явно вздохнуло с облегчением: проводившийся в ходе войны рекрутский призыв духовенства стал для него огромным ударом. «Вспомните себе только недавно минувшую войну турецкую: сколько они без всякой баталии и сражения старых солдат голодом поморили, сколько в степях жаждой умертвили, а сколько ж сот тысяч церковников и других рекрут перебрали...» (Попова Н.А., 1859, с. 6) – говорил в своей придворной проповеди новгородский архиепископ Амвросий Юшкевич 18 декабря 1741 г. По подсчетам Н.Н. Петрухинцева, рекрутами стали не менее 12 000 представителей духовенства, в армию было взято 12,9-9,6 % от общего состава духовного сословия (Петрухинцев Н.Н., 2014, с. 685).

Но в кампании по военному призыву духовенства был и положительный момент: им стало стремительное развитие церковного образования. В 1737-1740 гг. в России появилась сеть семинарий, а у духовенства появился мощный стимул, чтобы их дети эти в этих семинариях учились (Петрухинцев Н.Н., 2014, с. 682).

Документы Нижегородской духовной консистории представляют собой обширную источниковую базу для дальнейших исследований кампании военного призыва духовенства в период правления Анны Иоанновны. Уже было сказано о возможности проследить последствия призыва для отдельных пятин и городов. К тому же реестры церковнослужителей призывного возраста – это очень хорошее дополнение к клировым ведомостям, которых за эти годы сохранилось очень немного. Крайне важно проанализировать указы Святейшего синода и указы нижегородских архиепископов (Питирима и Иоанна) за 1736-1739 гг. Подробного исследования требует также документальный массив (допросы, дела), освещающий попытки уклониться от призыва: в них наиболее ярко отразились судьбы конкретных людей того времени.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дингес Михаил Александрович

Главный архивист

Государственное казенное учреждение «Центральный архив Нижегородской области»

E-mail:dingesm@mail.ru

Dinges Mikhail Aleksandrovich

Chief archivist

State Institution " Committee for Archives of the Nizhny Novgorod Region»

E-mail: dingesm@mail.ru

Литература

1. Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году // Памятники новой русской истории. В 3 т. СПб., 1873. Т. 3. С. 256-277.
2. Титлинов Б.В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильно, 1905.
3. Полное собрание законов Российской империи. Т. IX.

4. Полное собрание законов Российской империи. Т. X.
5. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1737 г. Д. 196.
6. Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014.
7. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1737 г. Д. 193.
8. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1739 г. Д. 6.
9. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1736 г. Д. 134.
10. Попова Н.А. Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности. Том II. М., 1859.
11. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). М., 2014.

References

1. The opinion of Count A. I. Osterman on the state and needs of Russia in 1740 / / Monuments of New Russian History. In 3 vols. St. Petersburg, 1873. Vol. 3. P. 256-277.
2. Titlinov B. V. The government of the Empress Anna Ioannovna in its relations to the affairs of the Orthodox Church. Vilno, 1905.
3. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. IX.
4. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. X.
5. TSANO. F. 570. Op. 552. 1737, d. 196.
6. Kurukin I. V. Anna Ioannovna. M., 2014.
7. TSANO. F. 570. Op. 552. 1737, D. 193.
8. TSANO. F. 570. Op. 552. 1739, d. 6.
9. TSANO. F. 570. Op. 552. 1736. D. 134.
10. Popova N. A. Court sermons in the reign of Elizabeth Petrovna // Chronicles of Russian Literature and Antiquity. Volume II. M., 1859.
11. Petrukhintsev N. N. Internal policy of Anna Ioannovna (1730 1740). M., 2014.

Поступила в редакцию

18 марта 2020 г.

УДК 94

О ранней истории прихода Стефанидинодарской церкви

В.В. Назаренко

*Независимый исследователь**г. Таганрог, Россия*

Аннотация. В публикации представлены результаты поиска ответов на ключевые вопросы: когда построили первую церковь в селе Стефанидинодар, какой она была, кто стал ее первым настоятелем, а также как изменялись численность и гендерный состав здешнего прихода в дореволюционный период. В статье указано, что находилось при церкви, когда она была открыта, в связи с чем была такая задержка в открытии церкви для прихожан, а также судьба храма после революции 1917 года и в годы Великой Отечественной войны. Перечисленные вопросы актуальны ввиду противоречивости и неполноты сведений, представленных на общедоступных ресурсах, в связи с чем

Ключевые слова: Стефанидинодар; церковь; настоятель; Екатеринославские епархиальные ведомости; староста прихода.

Для цитирования: Назаренко В.В. О ранней истории прихода Стефанидинодарской церкви // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. №2. С. 20-25.

The early history of the Stephanidodar church

Vladimir V. Nazarenko

*Independent researcher**Taganrog, Russia*

Abstract. The publication presents the results of a search for answers to key questions: when was the first church built in Stephanidindor village, what it was, who became its first abbot, and how the number and gender composition of the local parish changed in the pre-revolutionary period. The article indicates what was at the church when it was opened, in connection with which there was such a delay in opening the church for parishioners, as well as the fate of the temple after the 1917 revolution and during the Great Patriotic War.

Key words: Stephanidindor; church; rector; Ekaterinoslavskie diocesan statements; parish headman.

For citation: Nazarenko V.V. The early history of the Stephanidodar church // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol 3. No 2. P. 20-25.

В публикации представлены результаты поиска ответов на ключевые вопросы: когда построили первую церковь в селе Стефанидинодар, какой она была, кто стал ее первым настоятелем, а также как изменялись численность и гендерный состав здешнего прихода в дореволюционный период.

Перечисленные вопросы актуальны ввиду противоречивости и неполноты сведений, представленных на общедоступных ресурсах. В частности, на официальном сайте Ростовской-на-Дону епархии сведения о первоначальном храме и его приходе отсутствуют (*Рождества Богородицы...*, 2019). В Википедии указано: «Дата постройки первого храма в селе Стефанидинодар неизвестна, ориентировочно в 1870-х годах. Был он деревянный, с тремя куполами и колокольной» (*Церковь Рождества...*, 2019). На сайте Соборы.ру датой постройки значится период между 2013 и 2014 годом (*Стефанидинодар...*, 2019). В справочнике «Храмы Азовского района Ростовской области» датой постройки стефанидинодарской церкви значится 1898 год, а первое упоминание о её приходе датировано 1913 годом (*Шадрин, 2014*).

По факту самые ранние сведения о прихожанах из деревень Стефанидин Дар и Лизетино относятся к 1834 году. В первой из них проживало 185 крестьян и трое дворовых (ГАРО. Ф 376. Оп. 1. Д. 100. л. 4–12), во второй – 70 крестьян (ГАРО. Ф 376. Оп. 1. Д. 100. л. 18–22). А в следующем году владелица поместья, жена генерал-майора Елизавета Гостомилова, переселила в Стефанидин Дар еще 80 крестьян из села Гринцево и слободы Воровжа Харьковской губернии (ГАРО. Ф 376. Оп. 1. Д. 100. л. 4–12).

Согласно статистическим сведениям о количестве дворов, жителей и земли в населенных пунктах Семибалковской волости за 1863 год, в вышеуказанном поместье проживали временно обязанные крестьяне православного вероисповедания – 266 лиц мужского пола и 264 женского (ГАРО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 33. Л. 9). Однако ни сама Елизавета, ни ее дочь Мария Питра, к которой это поместье перешло в марте 1860 года, не обременили себя строительством оазиса духовной и общественной жизни православной паствы на принадлежавших им землях. По этой причине стефанидинодарцы были приписаны к Вознесенской церкви села Круглого. Более того, 50-летняя Мария Питра, скончавшаяся 22 октября 1891 года от порока сердца, получила новый приют на приходском кладбище соседнего села, расположенного за пределами собственного поместья (ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 127. Л. 99). А через год её дочь Елена Питра обратилась к наказному атаману войска Донского с ходатайством о выдаче разрешения на перевоз праха матери и брата из села Круглого в деревню Стефанидин Дар (Газета «Приазовский край», 1893). Примечательно, что эта инициатива совпала по времени с намерениями стефанидинодарского сельского общества построить церковь на своей земле за счет общественных средств (ГАРО. Ф. 697. Оп. 2. Д. 77. Л. 74 об.).

Детальные сведения о первой стефанидинодарской церкви содержатся в страховой оценке её строений. Административно эта церковь относилась ко второму благочинническому округу Ростовского-на-Дону уезда Екатеринославской епархии.

Оценку этой церкви, произведённую в сентябре 1910 года, подписали заменяющий благочинного священник Иоанн Федоренко, священники Гавриил Алексеев и Константин Духовской, псаломщик Григорий Артеменко и церковный староста Иван Буцан (РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 477). В ней указано: «Рождество-Богородичная церковь – деревянная на кирпичном фундаменте, снаружи обшита тесом и покрашена масляной краской снаружи и внутри; покрыта железом, окрашенным зеленою масляною краской. Длина церкви, считая и колокольню, – 14 саж., наибольшая ширина – 8 $\frac{1}{3}$ саж.; высота до верха карниза – 3 $\frac{1}{3}$ саж.; на церкви имеется пять глав; больших окон 18 шт., малых (средней главке) – 8 шт.; дверей наружных створчатых, обшитых железом – 3 шт.; одностворчатых – 1; внутренних – 3 шт.; иконостас длиной 12 $\frac{1}{2}$ арш., высотой 9 арш. (оценен в 2000 рублей); церковь не отапливается. Колокольня в 3 яруса, общую высоту до верха карниза 7 саж. Ближайшая к церкви чужая постройка – жилой дом священника – находится с западной стороны на расстоянии 50 саженей. Церковь построена в 1896 году, строение хорошо сохранилось. Оценка вместе с иконостасом и колокольней – 10 000 рублей».

При церкви имелась сторожка с глинобитными стенами и железной крышей, построенная в 1896 году. Ее длина составляла 12 аршин, ширина – 9 аршин, высота – 4 аршина. Строение имело 8 окон и 4 двери. Эта обветшавшая постройка была оценена в 100 рублей.

Кроме сторожки на церковном подворье находился крытый железом деревянный сарай с единственной дверью, без пола и потолка. Он был построен в 1908 году и имел 9 аршин в длину, 6 аршин в ширину и 3 аршина в высоту. Строение хорошо сохранилось, и было оценено в 50 рублей.

Примечательно, что от окончания строительства храма и до открытия в нем самостоятельного прихода прошло без малого пять лет. Причиной тому являлись бюрократические проволочки в оформлении отвода 33 десятин полевой земли и усадебных мест с устройством на них домов для причта. Этот марафон начался 31 мая 1895 года с ходатайства Екатеринославской духовной консистории в областное правление войска Донского, содержавшего просьбу утвердить приговор Стефанидин Дарского сельского схода об отчуждении им земли в пользу причта строящейся церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Однако данное ходатайство было

оставлено без удовлетворения с возвращением приговора сельского схода, о чем областное правление уведомило Екатеринославскую консисторию 19 октября 1895 года. Последующие перипетии и крючкотворство при рассмотрении этого вопроса отражены в материалах дела «Об отводе Стефанидин Дарским сельским обществом 33 десятин земли в пользу причта строящейся церкви» (*ГАРО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 6742. Л. 41–43*).

30 января 1901 года епископ Екатеринославский и Таганрогский обратился в Синод с ходатайством об открытии самостоятельного прихода при Рождество-Богородичной церкви в деревне Стефанидин-Дар. Указом № 1427 от 26 февраля 1901 года оно было удовлетворено (*Екатеринославские епархиальные..., 1901*).

В объявлении о вакантных местах, последовавшем за этим указом, сообщалось: «при Рождество-Богородичной церкви д. Стефанидин-Дар – в причте священник и псаломщик, в приход этот, кроме дер. Стефанидин-Дар с населением 618 душ обоего пола, входит часть жителей с. Круглого в количестве 1 517 душ обоего пола; для довольства причта общество д. Стефанидин-Дар, по приговору от 26 мая 1894 г., обязалось отвести 33 дес. полевой земли и усадебные места с устройством на них домов для причта; до устройства же последних – нанимать удобные квартиры» (*Екатеринославские епархиальные..., 1901*).

В 1900 году старостой прихода был избран стефанидинодарский крестьянин Иван Буцан. Однако в сентябре 1901 года он был уволен с этой должности на основании собственного прошения (*Екатеринославские епархиальные..., 1901*). Затем, в январе 1902 года его снова утвердили церковным старостой (*Екатеринославские епархиальные..., 1902*) и в дальнейшем, с трехлетней периодичностью, неизменно переизбирали на новые сроки.

Что явилось причиной указанной метаморфозы установить не удалось. При этом есть основания полагать, что в 1901 году богослужение в стефанидинодарской церкви уже велось. Подтверждением тому являются два рапорта на имя благочинного священника о. Александра Попова по суммам кружечного сбора за 1901 год (1 рубль 20 копеек в пользу Общества Красного Креста и 35 копеек в пользу Общества борьбы с проказой в Ростовском округе). Эти рапорты, удостоверенные подписями священника Гавриила Алексеева, псаломщиков Петра Дмитриевски и Гавриила Васильева, а также церковного старосты Ивана Буцан, хранятся в музее истории села Глафировка.

В августе 1902 года принимают на службу в Екатеринославскую епархию священника Троицкой Телицкой церкви Кирилловского уезда Новгородской губернии Константина Духовского и назначают его настоятелем Рождество-Богородичной церкви села Стефанидин-Дар (*Екатеринославские епархиальные..., 1902*). А 30 ноября 1902 года Константина Духовского утверждают законоучителем Гостомилловского народного училища Ростовского-на-Дону округа (*Екатеринославские епархиальные..., 1903*) вместо Гавриила Алексеева – священника села Круглого, являвшегося законоучителем данного училища с 15 декабря 1901 года (*Екатеринославские епархиальные..., 1902*).

По сведениям в ведомости Талицкой Троицкой церкви за 1901 год, Константин Иванович Духовской родился 10 августа 1869 года в Белозерске в семье чиновника (судебного пристава Череповецкого окружного суда). После окончания семинарии в 1889 году он работал надзирателем при общежитии Белозерского духовного училища. Затем, в 1891 году, Константин Духовской был определен священником к Талицкой Троицкой церкви. Его жена Любовь Поликарповна окончила четыре класса Вологодской Мариинской женской гимназии. В 1901 году в их семье было четверо детей: Лариса (8 лет), Леонид (6 лет), Вера (4 года) и Надежда (менее 1 года). Совместно с ними проживала Александра Васильевна Богоявленская, теща К.И. Духов-

ского – вдова прежнего священника Талицкой церкви (ГАНО, Ф. 480. Оп. 1. Д. 3477. Л. 64 об., 67 об.).

1 октября 1903 года на вакантное псаломщицкое место в Рождество-Богородичной церкви был определен заштатный псаломщик Михаил Биантовский (Екатеринославские епархиальные..., 1903). Он прослужил в Стефанидинодаре пять лет – 27 октября 1908 года его перевели в Варваринскую церковь села Карнауховки (Екатеринославские епархиальные..., 1908).

Михаил Аристархович Биантовский родился в 1869 году. Полноценного образования не получил – был уволен из 1-го класса Екатеринославской духовной семинарии. В 1908 году у него с женой Ириной, которая была моложе Михаила на 6 лет, имелось четверо детей: восьмилетняя дочь, а также сыновья пяти, трёх и полутора лет (Справочная книга..., 1908).

Вместо Биантовского псаломщиком стефанинодарской церкви назначили Григория Феодоровича Артеменко – выпускника второклассной школы, работавшего учителем в период с 1905 по 1909 год (Справочная книга..., 1914).

Церковно-приходское попечительство Рождество-Богородичной церкви утвердили в апреле 1903 года. В его состав входило 17 человек. Председателем этого попечительства был избран некий Иван Буданов (Екатеринославские епархиальные..., 1903).

Из справочной книги Екатеринославской епархии за 1908 год усматривается, что в селе Стефанидинодар была деревянная, с такою же колокольнею и оградой однопрестольная церковь, а также образцовая одноклассная школа. В приход этой церкви входило 236 дворов. Прихожане – православные малороссы: 963 человек мужского и 846 женского пола. Казенное жалование на лиц, служащих при церкви, составляло 392 рубля в год (Справочная книга..., 1908).

По сведениям, представленным в справочной книге Екатеринославской епархии за 1913 год (Справочная книга..., 1913) приход Рождественско-Богородицкой церкви, устроенной в 1898 году, составляли уже 1 121 персону мужского пола и 1 026 женского. Здесь было крещено 114 человек, зарегистрировано 20 браков, погребено 50 усопших и продано 8 пудов 10 фунтов свечей. Церковный доход составлял 500 рублей; кружечный доход – 375 рублей.

Церковным старостой являлся бессменный Иван Григорьевич Буцан. Его полномочия на очередной трехлетний срок были утверждены 13 июня 1912 года (Екатеринославские епархиальные..., 1912). Просфорней значилась некая Дарья Левицкая.

В причте церкви состояли 2 человека – священник и псаломщик. Казенное жалование священника Константина Ивановича Духовского составляло 294 рубля; жалование неженатого 25-летнего псаломщика Григория Феодоровича Артеменко – 98 рублей. Дома у причта были холодными, требовавшими ремонта (Справочная книга..., 1913).

Архиерейская ревизия данного прихода проводилась в 1911 году. По ее итогам деятельность настоятеля Рождество-Богородичной церкви села Стефанидин-Дар была признана успешной, и 23 июня 1911 года Константин Иванович был награжден скуфиею (Екатеринославские епархиальные..., 1911).

Кроме храма – центра духовной и общественной жизни его прихожан, в селе на 1913 год имелись две школы: школа грамоты и школа Министерства народного просвещения (Справочная книга..., 1913).

Переломным моментом в истории стефанинодарской церкви и её прихода стала революция 1917 года. Церковь закрыли в 1934 году (ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 94. Л. 30), а общину верующих ликвидировали постановлением Стефанинодарского

сельского совета от 2 октября 1938 года. Во время войны церковь разобрали, использовав её материалы для строительства оборонительных сооружений.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Назаренко Владимир Васильевич

Независимый исследователь

E-mail: vlad_nazar@mail.ru

Nazarenko Vladimir Vasilievich

Independent researcher

E-mail: vlad_nazar@mail.ru

Литература

1. Газета «Приазовский край», № 110 от 2 мая 1893 г..
2. ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3477. С. 64 об., 67 об.
3. ГАРО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 100.
4. ГАРО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 6742. С. 41–43.
5. ГАРО. Ф. 697. Оп. 2. Д. 77. С. 74 об.
6. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 127. С. 99.
7. ГАРО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 33. С. 9.
8. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 94. С. 30.
9. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный. № 10–11 (11 апреля 1901 г.). С. 139–140.
10. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный. № 12 (21 апреля 1901 г.). С. 159–160.
11. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный. № 13 (1 мая 1903 г.). С. 144.
12. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный. № 2 (11 января 1903 г.). С. 16.
13. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный. № 20 (11 июля 1911 г.). С. 405.
14. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный. № 26 (11 сентября 1902 г.). С. 371.
15. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный. № 26 (11 сентября 1912 г.). С. 358.
16. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный. № 29 (11 октября 1901 г.). С. 380.
17. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный. № 29 (11 октября 1903 г.). С. 362.
18. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный. № 3 (21 января 1902 г.). С. 37.
19. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный. № 32 (11 ноября 1908 г.). С. 513.
20. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный. № 5 (11 февраля 1902 г.). С. 69.
21. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. С. 477.
22. Рождества Богородицы с. Стефанидинодар Азовского района (2019). Режим доступа: <http://rostoveparhia.ru/eparkhija-segodnja/blagochinija-i-prikhody/rozhdestva-bogoroditsy-s-stefanidinodar-azovskogo-rajjona/>
23. Справочная книга Екатеринославской епархии за 1913 год. Екатеринослав : тип. Барановского, 1914. С. 379.
24. Справочная книга Екатеринославской епархии. – Екатеринослав : Духовная консистория, 1908. С. 924–925.
25. Стефанидинодар. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы (2019). Режим доступа: <http://sobory.ru/article/?object=31321>
26. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы (Стефанидинодар) (2019). Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C_%D0%A0%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B9_%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%86%D1%8B_\(%D0%A1%D1%82%D0%B5%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%80](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C_%D0%A0%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B9_%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%86%D1%8B_(%D0%A1%D1%82%D0%B5%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%80)
27. *Шадрин А.В.* (сост.). Храмы Азовского района Ростовской области: справочник. Издание Фонда им. священника Илии Попова. Ростов н/д. 2014 г. С. 187–189.

References

1. Newspaper "Priazovsky Territory", No. 110 dated May 2, 1893.

2. GANO. F. 480. Op. 1.D. 3477, p. 64 ob., 67 ob.
3. GARO. F. 376. Op. 1.D. 100.
4. GARO. F. 213. Op. 1.D. 6742, pp. 41-43.
5. GARO. F. 697. Op. 2.D. 77.P. 74 ob.
6. GARO. F. 803. Op. 2.D. 127.P. 99.
7. GARO. F. 99. Op. 1.D. 33.P. 9.
8. GARO. F. R-4173. Op. 4.D. 94, p. 30.
9. Ekaterinoslavskie diocesan statements. The department is official. No. 10-11 (April 11, 1901). S. 139-140.
10. Ekaterinoslavskie diocesan statements. The department is official. No. 12 (April 21, 1901). S. 159-160.
11. Ekaterinoslav Diocesan Gazette. The department is official. No. 13 (May 1, 1903). P. 144.
12. Yekaterinoslav diocesan statements. The department is official. No. 2 (January 11, 1903). P. 16.
13. Yekaterinoslav diocesan statements. The department is official. No. 20 (July 11, 1911). P. 405.
14. Yekaterinoslav diocesan statements. The department is official. No. 26 (September 11, 1902). P. 371.
15. Yekaterinoslav diocesan statements. The department is official. No. 26 (September 11, 1912). P. 358.
16. Ekaterinoslav Diocesan Gazette. The department is official. No. 29 (October 11, 1901). P. 380.
17. Yekaterinoslav diocesan statements. The department is official. No. 29 (October 11, 1903). P. 362.
18. Yekaterinoslav diocesan statements. The department is official. No. 3 (January 21, 1902). P. 37.
19. Yekaterinoslav diocesan statements. The department is official. No. 32 (November 11, 1908). P. 513.
20. Ekaterinoslav Diocesan Gazette. The department is official. No. 5 (February 11, 1902). P. 69.
21. RGIA. F. 799. Op. 33, P. 477.
22. Nativity of the Virgin s. Stephanidinodar of the Azov region (2019). Available at: <http://rostoveparhia.ru/eparkhija-segodnja/blagochinija-i-prikhody/rozhdestva-bogoroditsy-s-stefanidinodar-azovskogo-rajjona/>
23. Reference book of the Yekaterinoslav diocese for 1913. Yekaterinoslav: type. Baranovsky, 1914.P. 379.
24. Reference book of the Ekaterinoslav diocese. Ekaterinoslav: Spiritual consistory, 1908. P. 924-925.
25. Stephanidinodar. Church of the Nativity of the Blessed Virgin Mary (2019). Available at: <http://sobory.ru/article/?object=31321>
26. Church of the Nativity of the Blessed Virgin Mary (Stephanidinodar) (2019). Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C_%D0%A0%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B9_%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%86%D1%8B_\(%D0%A1%D1%82%D0%B5%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%80](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C_%D0%A0%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B9_%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%86%D1%8B_(%D0%A1%D1%82%D0%B5%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%80)
27. A. V. Shadrina (comp.). (2014). Temples of the Azov region of the Rostov region: a reference book. Publication of the Foundation. priest Ilia Popov. Rostov-on-Don. P. 187-189.

Поступила в редакцию

27 февраля 2020 г.

УДК 172.3, 28

Эвристический потенциал коллекции метрических книг церквей Екатеринодара**В.И. Колесов***г. Краснодар, Россия*

Аннотация. В статье представлено исследование метрических книг церквей Екатеринодара. Метрические книги – специфический исторический источник церковного учета населения Российской империи, введенного для различных религиозных групп в XVIII–XIX вв. Исследование метрических книг позволяет судить о важнейших этнографических обрядах жизненного цикла (рождении, свадьбе и погребально-поминальном) в темпоральном и структурных аспектах. Метрические книги каждого прихода представляют с одной стороны – мини-срез городского общества Екатеринодара того или иного года, а с другой – историю религиозной общины, ее состав, социальные связи и т.д. Источниковедческие аспекты метрических книг – демографический, этнографический, сословно-статусный, гендерный, религиозный и т.д. присущи в принципе любой метрической книге, как совокупности записей гражданского состояния. Специфика рассматриваемой коллекции – полиэтничность и поликонфессиональность пореформенного Екатеринодара. Мы специально фокусируем исследовательское внимание на этой отдельно взятой совокупности, дифференцируя от сельского населения Кубанской области и населения других городов региона. В то же время, Екатеринодар, будучи центром, притягивал окружающее население, поэтому на страницах метрических книг встречаются жители кубанского региона. Большинство горожан Екатеринодара являлось православными по данным Первой Всероссийской переписи населения. Метрические книги православных церквей помимо «обычных» данных дают возможность взглянуть на интереснейшие проблемы, мало оказывающиеся в поле зрения исследователей – переход в православие приверженцев иных конфессий (в основном, иудеев, и функционирование «смешанных» браков, заключенных представителями различных христианских течений).

Ключевые слова: метрические книги; Екатеринодар; Государственный архив Краснодарского края; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи; исторический источник; поликонфессиональный город.

Для цитирования: Колесов В.И. Эвристический потенциал коллекции метрических книг церквей Екатеринодара // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. № 2. С. 26-31.

Heuristic potential of the collection of metric books of Yekaterinodar churches**Vladimir I. Kolesov***Krasnodar, Russia*

Abstract. The article presents a study of the metric books of the churches of Yekaterinodar. Metric books are a specific historical source of the church registration of the population of the Russian Empire, introduced for various religious groups in the 18th – 19th centuries. The study of metric books allows us to judge the most important ethnographic rites of the life cycle (maternity, wedding and funeral-memorial) in temporal and structural aspects. Metric books of each parish represent, on the one hand, a mini-cut of the city society of Yekaterinodar of a particular year, and on the other, the history of the religious community, its composition, social ties, etc. Source study aspects of metric books - demographic, ethnographic, estate-status, gender, religious, etc. are inherent in principle to any metric book, as a set of vital records. The specificity of the collection under consideration is the polyethnic and polyconfessional nature of the post-reform Yekaterinodar. We specifically focus our research attention on this separately taken aggregate, differentiating it from the rural population of the Kuban region and the population of other cities in the region. At the same time, Yekaterinodar, being the center, attracted the surrounding population, therefore, residents of the Kuban region are found on the pages of metric books. Most of the townspeople of Yekaterinodar were Orthodox according to the data of the First All-Russian Population Census. Metric books of Orthodox churches, in addition to "ordinary" data, provide an opportunity to look at the most interesting problems that do not come to the attention of researchers – the conversion to Orthodoxy of adherents of other confessions (mainly Jews, and the functioning of "mixed" marriages concluded by representatives of various Christian denominations).

Key words: metric books; Yekaterinodar; State Archives of the Krasnodar Territory; First General Census of the Russian Empire; historical source; polyconfessional city.

For citation: Kolesov V. I. Heuristic potential of the collection of metrical books of the churches of Yekaterinodar // 2020. Vol 3. No 2. P. 26-31.

Метрические книги – специфический исторический источник церковного учета населения Российской империи, введенного для различных религиозных групп в XVIII–XIX вв.

Метрические книги представляют собой совокупность хронологических записей о рождении, браке и смерти по установленной форме. Важность их изучения обусловлена тем, что вероисповедание в Российской империи было одним из определяющих факторов описания групп населения, наряду с языковыми и сословными. В то же время многоаспектность метрических книг создает эвристический потенциал (совокупность методологических когнитивных возможностей), позволяет им выступать в качестве этнографического, демографического, социального, лингвистического, генеалогического источника, ключом к пониманию региональной истории миграций, церковной истории той или иной конфессии, истории прихода (общины) и т.д.

Религиозная идентичность доминировала над этнической, можно сказать, она ей предшествовала, и таким образом, анализ метрических книг дает возможность рассматривать группу или как храмовый приход, или как часть одного, либо прихожанами являются представители различных сообществ конфессионально консолидирующихся, но отличающихся, например, лингвистически. Кроме того, исследование метрических книг позволяет судить о важнейших этнографических обрядах жизненного цикла (родильном, свадебном и погребально-поминальном) в темпоральном и структурных аспектах. Например, фиксируются элементы родильного обряда – на какой день проводили крещение/обрезание, кто по должности совершал обряд, кто по статусу, вероисповеданию родители, кто восприемники (крестные). Оформление заключения церковного брака (венчание) дополняют этнографические сведения о свадебном цикле обрядовых действий: можно судить о брачном возрасте, социальном, конфессиональном статусах жениха и невесты, и их свидетелей и т.д. Более того, записи заключения брака позволяют увидеть количество межконфессиональных браков.

В данном докладе рассматриваются метрические книги, сконцентрированные в фонде 801 «Коллекция документов церквей Екатеринодара», хранившиеся в архиве городского ЗАГСа Краснодара, и в 1990-е гг. переданные в Государственный архив Краснодарского края. В региональной историографии были удачные попытки ввода в научный оборот и интерпретации метрических книг как исторических источников на примере евреев (*Норкина, 2005. С. 89–92*) и поляков (*Селицкий, 2008. С. 90, 141, 143, 145*) Екатеринодара и немецкого населения Армавира (*Шнайдер, 2004; Шнайдер, 2012. С. 374–532*). В то же время, раскрытие эвристического потенциала этого вида церковных учетных документов не являлось целью вышеуказанных работ.

Екатеринодар, появившийся как центр Черноморского казачьего войска в 1793 г., приобрел в 1867 г. статус гражданского города, что способствовало изменению состава населения. В городе получили право проживания лица невоинских сословий, что привело к росту численности на последнюю треть XIX века в три раза. Екатеринодар стал полиэтническим и поликонфессиональным городом (*Бондарь, 2000*). Эти изменения отразились на функционировании религиозных структур и привели к формированию корпуса метрических книг не только православного вероисповедания. В фонде 801 отложились документы главного православного – Войскового собора Екатеринодара в честь благоверного князя Александра Невского, других православных церквей города, в том числе Благовещенской церкви Эллинского благотворительного общества в городе Екатеринодаре (9 дел, 1907–20-е гг.), других христианских конфессий – церкви Успения Пресвятой Богородицы Астраханской консистории Армянской Апостольской церкви (28 дел, 1832–1920 гг.), Римско-Католической церкви (5 дел, 1861–1920-е гг.), Александровской церкви (по-

видимому, лютеранской, так как книги велись на немецком языке), Баптистской церкви (8 дел) и «Еврейской церкви» (2 дела, 1915–1920 гг.), под которой подразумевалась иудейская синагога.

Метрические книги каждого прихода представляют с одной стороны – минисрез городского общества Екатеринодара того или иного года, а с другой – историю религиозной общины, ее состав, социальные связи и т.д.

Все вышеназванные источниковедческие аспекты метрических книг – демографический, этнографический, сословно-статусный, гендерный, религиозный и т.д. присущи в принципе любой метрической книге, как совокупности записей гражданского состояния. Специфика рассматриваемой коллекции – полиэтничность и поликонфессиональность пореформенного Екатеринодара. Мы специально фокусируем исследовательское внимание на этой отдельно взятой совокупности, дифференцируя от сельского населения Кубанской области и населения других городов региона. В тоже время, Екатеринодар, будучи центром, притягивал окружающее население, поэтому на страницах метрических книг встречаются жители кубанского региона.

Остановимся на потенциале данной коллекции документов в качестве антропологического источника в широком смысле понятия, т.е. не только анализ брачного возраста, темпоральных особенностей проведения обрядовых действий, ономастики (антропонимики, топонимики), «церковного языка», но и формирования состава этноконфессиональных сообществ, миссионерской деятельности, миграционных процессов – всего, формирующего основу этноисторических исследований городской среды.

Большинство горожан Екатеринодара являлось православными: по данным Первой Всероссийской переписи населения более 60 тыс. чел., и хотя большинство из них считало родным русский/«великорусский» (более 34 тыс. чел.) и украинский/«малорусский» (более 25 тыс. чел.), 549 чел. – греческий язык, 28 – армянский, 18 – осетинский, 18 – цыганский, 143 – грузинский, 23 – молдаванский и т.д. (*Первая Всеобщая..., 1905. С. 70*) Только греки, благодаря деятельности Эллинского благотворительного общества, имели собственную Благовещенскую церковь, остальные представители православных меньшинств входили в «обычные» приходы екатеринодарских церквей.

Метрические книги православных церквей помимо «обычных» данных дают возможность взглянуть на интереснейшие проблемы, мало оказывающиеся в поле зрения исследователей – переход в православие приверженцев иных конфессий (в основном, иудеев (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 34. Л. 25 об., 35 об., 60 об., 71 об., 64 об.; Д. 35. Л. 10 об.; Д. 37. Л. 22 об., 32 об.) и функционирование «смешанных» браков, заключенных представителями различных христианских течений (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 34. Л. 23 об., 38 об., 40 об., 46 об., 68 об.; Д. 35. Л. 5 об.–6 об.; Д. 37. Л. 8 об., 27 об.). Конверсия иудеев в христианство была обусловлена дискриминационной политикой государства, ограничивавшего проживание евреев вне т.н. «черты еврейской оседлости» и стала одной из стратегий «выживания» в Кубанской области. Российское законодательство регламентировало браки между православными и католиками, лютеранами, армяногригорянами и т.д., разрешив совершать обряд венчания, а впоследствии крещения детей только в православных храмах.

28 дел метрических книг Успенской армянской церкви, написанных на церковноармянском языке «грабаре» позволяют существенно дополнить историю гетерогенного армянского населения региона с 1832 по 1920 гг. В книгах представлены три крупные общины: коренное население региона – черкесогаи (горские армяне) и тесно связанная с ними историческими, культурными, семейными отношениями нор-нахичеванская общность (г. Нор-Нахичевань с 1928 г. в черте Ростова-на-Дону), а также понтийские (амшенские) армяне, появившееся в основном, в регионе начиная

с 1860-х гг. (выходцы из Трабзона, Самсуна, Орду, Синопа, Чаршамбы), и отдельные представители моздокских, кизлярских, крымских, грузинских, персидских армянских групп. Судя по ранним книгам (1830–1850 гг.) екатеринодарские армянские священнослужители выезжали в Закубанье для исполнения необходимых религиозных треб среди горских (черкесских) армян. В нескольких случаях зафиксированы важные факты последовательного церковного венчания живущих в браке до 20–30 лет черкесогоаев, а затем крещения их разновозрастных детей (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 1. Л. 16 об.–17 об., 43 об.–44). Помимо закубанских мест, обслуживались черкесогоаи, живущие на территории Черноморского казачьего войска: в Гривенском Черкесском ауле (станции), армянских поселках при Пашковской и Переясловской станицах. Книги свидетельствуют о подвижническом подвиге священников Карапета Арцвьяна (Карапет Вардапет), Ованеса Хосрова (Хосровянца), Иовакима Агароняна, Минаса Бабиова (Бабиовянца) (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 1), в сложные годы Кавказской войны проводивших миссионерскую деятельность в Закубанье. Особый интерес представляет антропонимия черкесогоаев, говоривших на различных адыгских диалектах. Хорошо известен факт бытования у них двуименности – армянского (церковного) и адыгского имени (Щербина, 1916. С. 185, 187, 190; Харатьян, 1981. С. 143; 10, с. 176–180). Эта модель нашла отражение и в церковных книгах, хотя можно было предположить существование определенного «пуризма» – «очищения» от нехристианских имен. Приведем гораздо более редкие примеры таковых мужских имен, нежели женских, коих множество: Габах Баронов, Чора Асланов, Бекмерз Джантемиров, Навурз Айвазов, Цiox Гарагашов, Гаплан Хамжиов (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об., 9 об., 11 об., 13 об.), в некоторых случаях писарь фиксировал двуименность – «Шапшеци черкесогоай Хамиз который Симеон Чорайов», «Джолавдши, который Гаспар Саргисиан Гаспаров», «Бабук Тадеос Торосян Чораев», «Бох Аствацатур Баронов» (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 об., 41 об., 45 об.).

Иудейские метрические книги хоть и охватывают короткий исторический период (1915–1920 гг.), в тоже время дают представление о составе общины и ее трансформациях в сложные годы Первой мировой войны и революционных преобразований, когда наблюдался рост числа эвакуированных их западных областей империи. Кроме того, в екатеринодарских книгах фиксировались обряды, проведенные в Майкопе, что дает возможность делать некоторые выводы об этой городской общине (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 249. Л. 2), например, наличие собственного еврейского кладбища (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 250. Л. 2).

Таким образом, метрические книги той или иной церкви (прихода) для целого блока гуманитарных и социальных наук, выступают, с одной стороны, поливариантным источником, с другой – фактически создают определенную социальную группу, которую можно обозначить как «прихожане» такой-то церкви, несмотря на всю условность и зыбкость данного понятия. И с этой точки зрения, важны акторно-сетевые коммуникации между индивидуумами, запечатленными на страницах метрических книг. Выбор человеком церкви, как места венчания, крещения или отпевания своего близкого, отражает ту модель поведения, которую и можно назвать группированием (Латур, 2014. С. 46–50). Например, в метрических книгах Благовещенской церкви Эллинского благотворительного общества (в просторечье – «Греческой») преобладали турецко- и греческоподанные екатеринодарцы Стефанидис, Фотиади, Мендрино, и т.д. Но 20 января 1907 г. были крещены близнецы Ольга и Татьяна, дочери студента Московского университета Бориса Николаевича Быстрова и его законной жены Анны Васильевны. Почему обряд прошел именно в этой церкви? Можно предположить влияние одного из восприемников Ольги – учителя Сергея Митрофановича Грамматикаки (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 145. Л. 1 об.–2).

Метрические книги своим наличием создали определенные границы группы, внутри которой оказывается индивид-актор, имеющий множество коммуникаций и входящий, соответственно, во множество групп. Например, армавирец Хачатур Погосян Багарсукянц (Христофор Павлович Богарсуков), в июне 1875 г. стал восприемником Нунэ, дочери норнахичеванцев Аствацатура Арутюновича и Тагуи Йованесовны Капикянц (Капиковы) (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 3. Л. 9). Обряд проводился в Успенской армянской церкви Екатеринодара. Помимо религиозной идентичности и соответственно ей коммуникационной активности, Х.П. Богарсуков выстроил сеть связей, демонстрирующую многогранность его личности. Он стал личным почетным гражданином, купцом 1-й гильдии, избирался гласным екатеринодарской городской думы, являлся членом Екатеринодарского биржевого общества, членом совета Екатеринодарского общества взаимного кредита, попечительского совета городского 4-классного Александровского училища, много лет – директором Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета, одним из старшин 2-го Екатеринодарского общественного собрания (Колесов, 2014. С. 125). Прихожанин Успенской церкви для него – одна из моделей поведения, в тоже время лично связывающая его с определенным кругом лиц, в данном случае с фамилией Капикянц, контакты с которой по другим источникам пока не прослеживаются.

Подводя итоги, можно заключить необходимость обращения социальных исследователей в области антропологии, демографии, статистики, урбанистики, этноистории к уникальному типу источников имперского периода истории России – метрическим книгам, на примере коллекции екатеринодарских церквей, демонстрирующих возможности значительного обогащения нашего знания о сложном феномене позднеимперского провинциального поликонфессионального города.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Колесов Владимир Игоревич
Независимый исследователь
E-mail: kolesov_v@yahoo.co.uk

Kolesov Vladimir Igorevich
Independent researcher
E-mail: kolesov_v@yahoo.co.uk

Литература

1. Бондарь В.В. Войсковой город Екатеринодар 1793–1867 гг. Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. Краснодар, 2000.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 801. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 145.
4. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 249.
5. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 250.
6. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 3.
7. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 34.
8. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 35.
9. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 37.
10. Колесов В.И. «...Иванис, он же Чанклыш...»: традиция сосуществования двух имен у адыгоязычных христиан Кубани в XIX веке // Традиции и обычаи народов России. Вторая российская конференция с международным участием (16–18 мая 2000 г., Санкт-Петербург): Тезисы докладов и сообщений в 2-х тт. Т. 1 / Науч. ред. и сост. Н.А. Лобанов. СПб., 2000.
11. Колесов В.И., Леусян О.А. Один род – две генеалогии: загадки семейной истории черкесогоаев Богарсуковых // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. VI. Владикавказ, 2014.
12. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
13. Норкина Е.С. Метрические книги как источник по этнографии ашкеназских евреев Северо-Западного Кавказа // Межнациональные отношения в Краснодаре на современном этапе: перспективы устойчивого развития (подходы к решению общероссийской проблемы): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2005.

14. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXV. Кубанская область. Спб., 1905.
15. Селицкий А.И. Поляки на Кубани: исторические очерки. Краснодар, 2008.
16. Харатьян Г.С. Этническая история черкессогаев: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1981.
17. Шнайдер В.Г. «Немецкие книги» АОАА как исторический источник. Армавир, 2004.
18. Шнайдер В.Г., Ктиторев С.Н. Немцы Армавира. Армавир, 2012.
19. Щербина Ф.А. История Армавира и черкессогаев. Екатеринодар, 1916.

References

1. Bondar V.V. (2000). The military city of Yekaterinodar 1793-1867 Historical and cultural specifics and functional role in the system of urban settlements of the Russian Empire. Krasnodar.
2. State Archives of Krasnodar Territory (hereinafter referred to as SACK). F. 801. Op. 1.D.1.
3. SACC. F. 801. Op. 1.D.145.
4. SACC. F. 801. Op. 1.D. 249.
5. SACC. F. 801. Op. 1.D. 250.
6. SACC. F. 801. Op. 1.D. 3.
7. SACC. F. 801. Op. 1.D. 34.
8. SACC. F. 801. Op. 1.D. 35.
9. SACC. F. 801. Op. 1.D. 37.
10. Kolesov V.I. (2000). "... Ivanis, he is Chanklysh ...": the tradition of the coexistence of two names among the Adyghe-speaking Christians of the Kuban in the 19th century // Traditions and customs of the peoples of Russia. The second Russian conference with international participation (May 16-18, 2000, St. Petersburg): Abstracts of reports and reports in 2 vols. V. 1 / Scientific. ed. and comp. N. A. Lobanov. SPb.
11. Kolesov V.I., Leusyan O.A. (2014). One genus - two genealogies: the mysteries of the family history of the Circassian-Gais Bogarsukovs// Genealogy of the peoples of the Caucasus. Tradition and modernity. Issue VI. Vladikavkaz.
12. Latour B. (2014). Reassembly of the social: an introduction to the actornetwork theory. M.
13. Norkina E.S. (2005). Metric books as a source on the ethnography of Ashkenazi Jews in the North-West Caucasus // Interethnic relations in Krasnodar at the present stage: prospects for sustainable development (approaches to solving the all-Russian problem): Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar.
14. The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897 V. LXV. Kuban region. SPb., 1905.
15. Selitsky A.I. (2008). Poles in the Kuban: Historical Essays. Krasnodar.
16. Kharatyan G.S. (1981). Ethnic history of the Circassian-Gais: Dissertation for the degree of candidate of historical sciences. L.
17. Schneider V.G. (2004). AOAA German Books as a Historical Source. Armavir.
18. Schneider V.G., Ktitorov S.N. (2012). The Germans of Armavir. Armavir.
19. Shcherbina F.A. (1916). History of Armavir and the Circassian-Gais. Ekaterinodar.

Поступила в редакцию

10 марта 2020 г.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 94

Новые данные об обороне Нижнего Дона в 1855 г.: загадки Переволочных батарей**С.А. Степаненко***Государственный архив Ростовской области,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. В статье уделено внимание, наверное, самым загадочным и неизученным элементам обороны Донской дельты – Переволочным батареям, возведенным при обороне Приазовья во время Крымской войны. Вопросы разведывательной деятельности противника, их донесений, идеи и процессы возведения батарей, их количество, сроки строительства, охрана и работа в зимнее время подробно рассмотрены автором в исследовании. Работа основана на архивных материалах и снабжена иллюстративным материалом, помогающим наглядно понять расположение и значение Переволочных батарей.

Ключевые слова: Крымская война; Донская дельта; Переволочные батареи; донесения противника; оборона; возведение батарей; охрана; значение Переволочных батарей.

Для цитирования: Степаненко С.А. Новые данные об обороне Нижнего Дона в 1855 г.: загадки Переволочных батарей // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. №2. С. 34-45.

New data on the Lower Don defense in 1855: the riddles of the Perevolochna Squadron**Sergey A. Stepanenko***The State Archive of the Rostov Region
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The article focuses on probably the most mysterious and unexplored elements of the defense of the Don delta - Perevolochna Squadron, erected during the defense of the Azov Sea region during the Crimean war. Issues of enemy reconnaissance activities, their reports, ideas and processes of erecting squadron, their number, timing of construction, protection and work in winter time are considered in detail by the author in the study. The work is based on archival materials and provided with illustrative material that helps to visualize the location and importance of the Perevolochna squadron.

Key words: Crimean War; Don Delta; Perevolochna Squadron; enemy reports; defense; construction of squadron; guarding; importance of Perevolochna Squadron.

For citation: Stepanenko S. A. New data on the Lower Don defense in 1855: the riddles of the Perevolochna Squadron // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol 3. No 2. P. 34-45.

Одним из важнейших направлений при обороне Приазовья во время Крымской (Восточной) войны 1853 – 1856 гг., являлся Нижний Дон, а точнее относительно узкий по ширине (не более 20 верст) участок Донской дельты – места впадения в Азовское море нескольких десятков рукавов, речушек и ериков этой крупной восточно-европейской реки. В 1855 г. для защиты низовьев Дона российским командованием было сосредоточено до трети всех наличных в крае войск, почти вся артиллерия и все военные суда. Осенью – весной 1855 – 56 гг. в дельте Дона и у Аксайской станицы будет создана целая система фортификационных сооружений (три линии полевых укреплений), вооруженных сотнями орудий, при гарнизоне в несколько тысяч человек. До настоящего времени, пожалуй, самым загадочными и неизученными элементами обороны Донской дельты являются передовые, или как их еще называли, Переволочные батареи, располагавшиеся на берегах одного из главных судоходных рукавов дельты – речки Переволока.

Прежде всего, следует коротко описать ход боевых действий в районе Донской дельты и, особенно, у Переволочного гирла¹ в 1855 г.

¹ Само понятие «гирло» имеет несколько значений. В описываемое время гирлом назывались: 1) рукав реки, впадающий в море, 2) устье этого рукава и 3) подводный канал, образованный течением реки, при ее впадении в море (система таких каналов называлась подводной дельтой).

Как известно, после захвата Керчи союзниками, с 13 (25) мая Летучая эскадра союзников, состоящая из легких паровых судов (от 18 до 22 вымпелов) хозяйничала в Азовском море, занимаясь захватом прибрежных населенных пунктов и уничтожением казенных зданий, магазинов, складов, и всех российских торговых и каботажных судов. На момент вторжения военно-морских сил союзников в Азовское море, его главные населенные пункты практически оказались не готовы к эффективной обороне: наличных войск имелось крайне мало, артиллерии не было вовсе.² Для командования Войска Донского (прежде всего наказного атамана М.Г. Хомутова и его заместителя, начальника штаба В.И. Андриянова) фактически сразу обозначилось главное направление обороны для имеющихся в его распоряжении сухопутных и морских сил – защита Нижнего Дона, и населенных пунктов на его берегах, а прежде всего – города Ростова на Дону. Российское командование и начальство почти всех уровней понимали стратегическое значение Ростова, как главного провиантского склада на юге страны, где содержались огромные запасы продовольствия, прежде всего, сотен тысяч четвертей хлеба для действующей армии, фуража и боеприпасов, а у донских берегов рядом с Ростовом, Нахичеванью и Аксаем, скопилось большое количество речных судов с провиантом, зерном и углем для Черноморских крепостей и военного флота. Хотя бы кратковременный захват неприятелем Ростова и уничтожение его складов повлек бы «бедственные последствия» для армий в Крыму и на Кавказе. Кроме того, командование беспокоилось о сохранности Ольгинской дамбы вместе с наплавным мостом у Аксайской станицы, которая являлась «единственным путем сообщения с Черноморией и была ближайшей дорогой на Кавказ», то есть представляла собой стратегический объект, стоимостью миллион рублей (Государственный архив Ростовской области).³

Для неприятельских морских сил самый короткий и верный маршрут к Ростову, Нахичевани и Аксаю лежал по воде, через устья Дона. Именно их требовалось в первую очередь защитить от вторжения неприятельских военных судов и возможного десанта.⁴

Первейшей мерой защиты устьев Дона и Ростова стало решение о заграждении основных донских гирл – Переволочного,⁵ Егурчинского, Каланчинского и Меренового, посредством затопления груженных камнем барок и других судов, кроме того, для заграждения фарватеров использовались якоря, каменные завалы и т. д.⁶

Одновременно, для защиты устьев Дона было решено сформировать особый отряд, состоявший из казаков нижнедонских станиц (Елизаветовской, Гниловской и Александровской), чинов рыболовной полиции и сборной команды безлошадных казаков. Это воинское соединение получило впоследствии официальное наименование «Стрелковый отряд». Командующим этим отрядом был назначен начальник рыболовной полиции подполковник А.С. Донецков.⁷ Уже к июню численность этого отря-

² В населенных пунктах на берегах Приазовья и Нижнего Дона в распоряжении командования имелось 4 донских казачьих полка, полубатальон азовских казаков, мелкие гарнизонные части, а также инвалидные команды, полиция и т. д. Кроме того, на Дону занимала оборону небольшая Азовская гребная флотилия, состоявшая из 24-х парусно-весельных военных судов (8 канонерских лодок и 16 баркасов) при 40 морских орудиях. Ее экипажи включали азовских казаков и офицеров, переведенных с Черноморского флота.

³ Ф. 344. Оп. 1. Д. 605. Л. 23, 26, 34

⁴ Там же. Л. 26

⁵ Переволочное гирло – в данном случае имеется в виду подводный канал, являющийся продолжением речки Переволочка, одного из главных судоходных рукавов Донской дельты. В середине XIX в. основной поток судов и грузов из Дона в Азовское море проходил по системе рек Дон – Каланча – Кутюрма (Кутерма, Кутурма) – Переволока. Судоходными также считались рукава Каланча (Мокрая Каланча) и Егурча. Мелководный рукав Старого Дона (Мериновое гирло) почти не использовался.

⁶ Там же. Л. 24 об., 105, 127, 204.

⁷ Там же. Д. 777. Л. 19, 64, 226.

да достигла 1200 человек. В составе отряда имелось особое подразделение (311 лучших стрелков) – так называемая «крейсерская» стрелковая команда, имевшая до пяти десятков мелких казачьих лодок (полицейских баркасов, каюков и дубов); кроме того, отряд поддерживали несколько судов Азовской гребной флотилии – две канонерские лодки и до десятка канонерских баркасов.⁸

Работы по заграждению гирл начались уже 18 мая. Главное заграждение из затопленных барок создавалось поперек Переволочного гирла, на расстоянии «пушечного выстрела» от устья Переволоки, между прибрежными дельтовыми островами Перебойным и Маслова, точнее между подводными отмелями (косами), обнажавшимися при сгоне воды восточными и северо-восточными ветрами, которые являлись продолжением указанных островов. Еще одно заграждение делалось в Егурчинском гирле, между берегами острова Перебойного и большого дельтового острова, образуемого отделением от речки Егурчи рукава Егуречка (Белявский, 1872).

В 20-х числах июня эскадра союзников вошла в Таганрогский залив. Нападением подверглись города Таганрог и Мариуполь. Днем 22 мая далеко не завершённые работы в устьях Переволоки и Егурчи были прерваны появлением неприятеля – английского парохода «Sulina», который с одним баркасом на буксире проследовал к устьям Дона для разведки и уничтожения находившихся там русских каботажных судов (Миргородский, 2014). Донецков с отрядом стрелков и двумя канонерскими баркасами Азовской гребной флотилии приготовился принять бой. Но неприятельский пароход заходить в гирло не стал, видимо, опасаясь сесть на мель на неразведанном фарватере. Английские моряки сожгли два каботажных судна, стоявших на мели у входа в гирло, а третье, груженное антрацитом, захватили. На этом «подвиги» английских моряков у донских устьев завершились – «Sulina», с захваченным суденышком на буксире, с наступлением ночи убрался восвояси. К сожалению, Донецков не решился атаковать слабый неприятельский пароходик (на нем даже не имелось артиллерии!) имевшимися у него средствами – двумя канонерскими баркасами с артиллерией и казачьими лодками (Государственный архив Ростовской области).

Возможно, уже в тот день подполковник Донецков задумался об усилении позиций своего отряда артиллерией. Конкретное же предложение об этом Донецков высказал через несколько дней в рапорте начальству от 28 мая: «...Нужно бы устроить здесь пред завалами одну батарею по крайней мере о 3-х, 4-х дальнотрельных орудиях; да человек 350 стрелков; тогда я выйду с моими каюками в море, и мои ополченцы принесут гораздо более пользы, партизанским употреблением»⁹. Вероятно, Донецков предполагал возвести батарею на острове Перебойном – в месте, позволявшем держать под прицелом заграждения обеих гирл – Переволочного и Егурчинского.

Судя по всему, начальство приняло к сведению предложение Донецкова, но с возведением артиллерийской батареи не спешило. Все имевшиеся в наличии орудия и лафеты шли на вооружение трех батарей у Гниловской станицы (именно там создавался мощный оборонительный рубеж, к тому же усиленный основной частью военной флотилии);¹⁰ несколько орудий было направлено на защиту Таганрога.

⁸ Там же. Оп. 4. Д. 23. Л. 105 – 107 об.

⁹ Там же. Л. 205.

¹⁰ В конце мая – первой половине июня 1855 г. у Гниловской станицы, выше отделения от Дона рукава Мертвый Донец (начало Донской дельты) был создан сильный оборонительный рубеж, состоявший из двух батарей (7 и 6 орудий), вооруженных тяжелыми 24-фнт. пушко-карронадами, расположенных на территории станицы, 4-орудийной батареи, возведенной на островке у левого берега Дона, а также линии стоявших на якорях поперек реки судов Азовской гребной флотилии – 6 канонерок и 6 баркасов, вооруженных 24- и 18-фнт. морскими орудиями.

Кроме того, на «морском» фронте наступило затишье – пароходы союзников почти на полтора месяца покинули Таганрогский залив...

В начале июля 1855 г. обстановка в Азовском море обострилась. Небольшая эскадра союзников (12 паровых судов) под командованием капитан-лейтенанта Ш. Осборна появилась в водах Таганрогского залива и атаковала многие прибрежные населенные пункты – слободу Глафировку, станицу Петровскую, Кривую косу и др. Три английских паровых судна (винтовой шлюп «Swallow» и винтовые канонерки «Jasper» и «Grinder») в течение нескольких дней вели боевые действия у Таганрога, а также занялись разведкой в районе устьев Дона (*Duckers, 1855*).

10 и 11 июля английская канонерская лодка «Jasper» в утренние часы дважды провела разведку вблизи Донских гирл. Причем, 11 июля с канонерки спустили шлюпку, которая вошла в Каланчинское гирло, делая по пути промеры. Двадцать пять казаков-добровольцев на нескольких каюках попытались атаковать неприятельскую лодку, однако, с канонерки был подан сигнал отступления, и дело ограничилось лишь безвредной перестрелкой с дальнего расстояния (*Российский государственный военно-исторический архив*).

Следующим утром 12 июля английская винтовая канонерская лодка «Grinder», вновь направилась к Донским гирлам. В 11 часов утра, пустив вперед две шлюпки для промеров, «Grinder» вошла в Переволочное гирло и стала приближаться к главному заграждению из затопленных барок. Именно в этот момент две парусно-гребные канонерские лодки Азовской гребной флотилии, в сопровождении парохода «Таганрог»,¹¹ баркасов и казачьих каюков, вышли из устья Переволоки и двинулись к заграждению. «Grinder» вместе со шлюпками, произведя несколько выстрелов из орудия, была вынуждена отступить.¹² Наличие у русских сразу нескольких достаточно крупных военных судов, чего англичане, видимо, не ожидали увидеть, изрядно озадачило «просвещенных мореплавателей». Канонерка поспешила убраться восвояси.

Активизацией разведовательной деятельности неприятеля у донских берегов, наконец, серьезно обеспокоило командование Войска Донского. Генерал-майор В.И. Андриянов, в рапорте военному министру, отметил, что, хотя крейсировавшие вдоль южных берегов Таганрогского залива, неприятельские пароходы и не предпринимали враждебных действий против прибрежных населенных пунктов, но «более прежнего неприятель стал обозревать и блокировать устье реки Дона».¹³ Вероятно, именно после нескольких дней появления неприятельских канонерок в устье Переволоки была ускорена постройка двух артиллерийских батарей в устье Переволоки.

Начало постройки артиллерийских батарей совпало с очередной, на этот раз более серьезной, попыткой британцев проникнуть в Дон через Переволочное гирло.

Командующий эскадрой союзников Ш. Осборн решил, в этот раз лично, провести рекогносцировку позиций неприятеля в гирлах Дона и даже, по его версии, попытаться зайти в Дон. Ранним утром (в 3 часа утра) 24 июля от основной эскадры, стоящей у селения Новомариинского, отделились три канонерские лодки, два баркаса с медными орудиями и несколько шлюпок на буксире¹⁴ и направились к донским гирлам.¹⁵

¹¹ Небольшой железный пароход «Таганрог», вооруженный двумя 3-фнт. фальконетами, был единственным судном из Керченского отряда, сумевшем спастись и укрыться в Дону в мае 1855 г. Во время обороны Донской дельты в 1855 г., «Таганрог», присоединенный к Азовской гребной флотилии, выполнял функции штабного судна.

¹² Там же. Л. 331.

¹³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22231. Л. 83 об.

¹⁴ По английским источникам это были легкие винтовые канонерские лодки «Grinder», «Cracker» и «Fancy» (по 4 орудия на каждой) со своими гребными судами, а также два кожаных бота (с 24-фнт. гаубицами) с флагманского парового шлюпа «Vesuvius» и гички с английских канонерок «Wrangler» и «Beagle». Сам Осборн находился на «Fancy».

¹⁵ Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5823. Л. 340, 346.

Канонерские лодки, из-за мелководья, не смогли приблизиться к дельте Дона ближе 2,5 миль, и дальнейшая разведка производилась малыми гребными судами. В рапорте командованию Ш. Осборн привел весьма интересные сведения о системе обороны донских казаков: по обеим сторонам от входа в реку британские моряки обнаружили два земляных укрепления с орудиями (!), за которыми укрывались «два палубных судна», сравнимые по размеру с их винтовыми канонерками (т. е. канонерские лодки Азовской гребной флотилии), кроме того, на реке и вдоль ее берегов были рассредоточены в большом количестве весельные лодки, а также «небольшой паровой баркас», завербованный военными властями для работ в гирлах. Перегородив фарватер заграждением из затопленных барок, русские все же оставили в нем свободный проход для собственных судов. В камышах, покрывающих дельту, укрывалось большое число «солдат», которых по их униформе англичане приняли почему-то за стрелков регулярной армии. По свидетельству Осборна, неприятель выслал навстречу его отряду множество шестивесельных лодок, которые начали приближаться с обоих флангов (*Duckers, 1855*).

По русской версии, английский отряд атаковали лишь 13 каюков со стрелками с одного фланга. Казачьи лодки, выстроившись в линию, открыли ружейный огонь по неприятелю, а затем стали по мелководью обходить британские шлюпки, стремясь отрезать их от канонерок. Завязалась ружейная перестрелка, неприятель даже выпустил по казачьим суденышкам несколько гранат из гаубиц, «но никого не ранил». Вскоре гребные лодки англичан отступили, присоединились к канонеркам, и все вместе отошли в море (*Государственный архив Ростовской области*).¹⁶

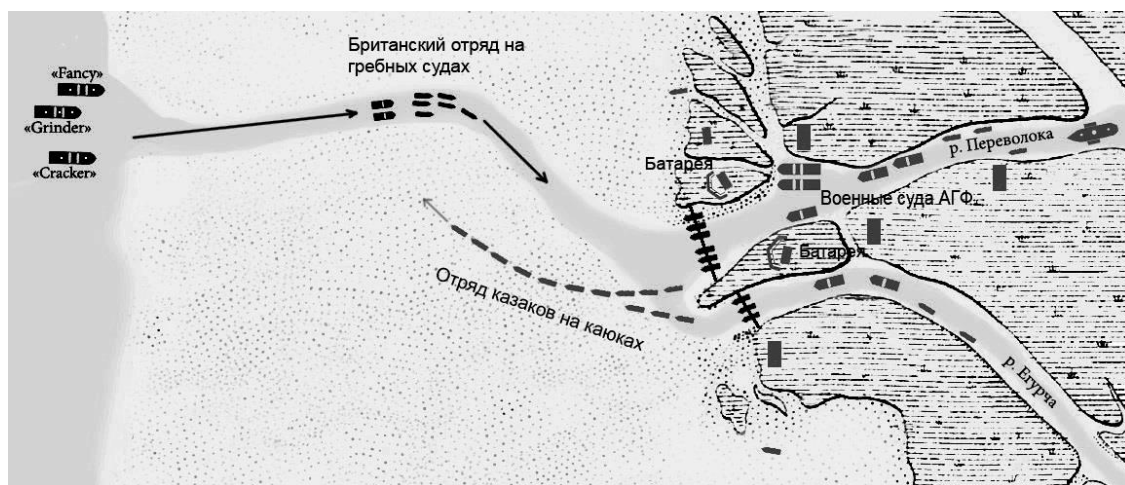

Рис.1. Схема боя 24 июля 1855 г. В Переволочном гирле (реконструкция автора).

В рапорте командованию Осборн сожалел, что водоизмещение его канонерских лодок оказалось все-таки большим, чем нужно для безопасного проникновения в гирла Дона, однако настаивал на продолжении попыток добраться до Ростова любым, пусть даже самым рискованным способом. Он также отметил на будущее, что настоятельно рекомендует прорываться именно через перегороженное барками гирло, так как, по его мнению, русские, будучи слишком уверенными в безопасности этого направления, утратят бдительность и не смогут эффективно противостоять смелой и энергичной атаке (*Duckers, 1855*). Однако английское высшее командование не поддержало откровенный авантюризм Осборна, а командующий английским флотом на Черном море контр-адмирал Э.М. Лайонс посчитал, что операция против Ро-

¹⁶ Ф. 344. Оп. 1. Д. 605.

стова должна производиться посредством мощной группировки мелкосидящих пароходов при наличии поддержки со стороны сухопутных войск» (*Миргородский, 2014*). Ни того, ни другого в Азовском море у союзников пока не имелось. Вопрос о нападении на Ростов водным путем, по крайней мере, в ближайшей перспективе, был закрыт.

В конце августа небольшой отряд английских паровых судов, состоявший из винтового шлюпа «Curlew» и канонерских лодок «Recruit» и «Fancy», под командованием лейтенанта Дж. Ф. Дзя, появился под Таганрогом для разведки. 29 августа две канонерки в очередной раз провели рекогносцировку в Переволочном гирле. В устье Переволоки англичане обнаружили «очень много» гребных лодок, три или четыре более крупных судна (видимо, канонерские баркасы Азовской гребной флотилии), а по обеим сторонам прохода в реку, как и во время прошлой разведки, располагались земляные укрепления, вооруженные каждое тремя «небольшими орудиями», а вокруг – «множество солдат» (*Duckers, 1855*).

По существу, это было последнее появление союзников у берегов Донской дельты, хотя боевые действия в Азовском море велись еще два месяца – вплоть до начала ноября 1855 г.

Дальнейшая история Переволочных батарей напрямую связана с постройкой на Нижнем Дону осенью 1855 – весной 1856 гг. Донских укреплений. При их сооружении были затрачены значительные материальные средства (транспорт, стройматериалы, инструменты и т. д.) и привлечены многочисленные людские ресурсы – чины инженерного департамента, армейские и флотские офицеры, казаки рабочего полка, ополченцы и сотни местных жителей – крестьян окрестных волостей. Возведение столь мощной и дорогостоящей системы укреплений было вызвано многочисленными слухами, утечками информации в иностранной прессе, а иногда и явной дезинформацией о том, что союзное командование к весне будущего года намеревалось сформировать огромную (до 200 единиц!) военную флотилию, для проведения операций в Азовском море и на Дону, состоящую из легких канонерок, специально оборудованных и вооруженных речных пароходов, десантных судов и т. д., при поддержке многочисленного сухопутного корпуса (*Краснов, 1864*).

Относительно слабые Переволочные батареи предполагалось использовать в качестве передовой позиции или поста – при небольшом числе артиллеристов. Для длительной и упорной обороны они не годились. Наказной атаман М.Г. Хомутов, в замечаниях к своему проекту обороны дельты указывал: «Батареи могут быть не только сбиты с фронта, но даже обойдены; но несмотря на то, что орудия должны быть брошены на жертву, батареи необходимы, как защищающие бар в низкие воды». Для подкрепления передовых батарей Хомутов предлагал использовать штуцерную команду из 600 человек на местных малых судах (аналог «крейсерского» отряда Донецкова).

Теперь следует более подробно остановиться на сведениях, имеющихся о батареях, возведенных в 1855 г. в устье речки Переволока. К сожалению, практически не сохранилось документов, описывающих их постройку, не осталось и их подробных чертежей (не факт, что они вообще существовали). Это можно объяснить тем, что батареи в устье реки Переволока возводились и обслуживались непосредственно казаками Донского войска, практически без участия Инженерного департамента и армейских артиллеристов.

Наибольшее количество сведений о постройке, вооружении артиллерией и другими принадлежностями, а также обслуживании и охраны в зимнее время Переволочных батарей можно обнаружить при тщательном изучении весьма ценного документа – недавно обнаруженного реестра исходящим бумагам от смотрителя рыб-

ных ловель за 1855 год (к сожалению, сами эти бумаги, видимо, не сохранились). Что же касается местоположения батарей, то сохранился подробный чертеж – «Генеральный план устьям реки Дона с показанием предполагаемых укреплений», на котором весьма подробно изображена вся Донская дельта и частично русло Дона (от Ростова и ниже), со всеми прибрежными населенными пунктами (*Российский Государственный военно-исторический архив*).¹⁷ На плане обозначены все предполагавшиеся к сооружению и уже имевшиеся укрепления Первой и Второй линии и передовые батареи на островах.

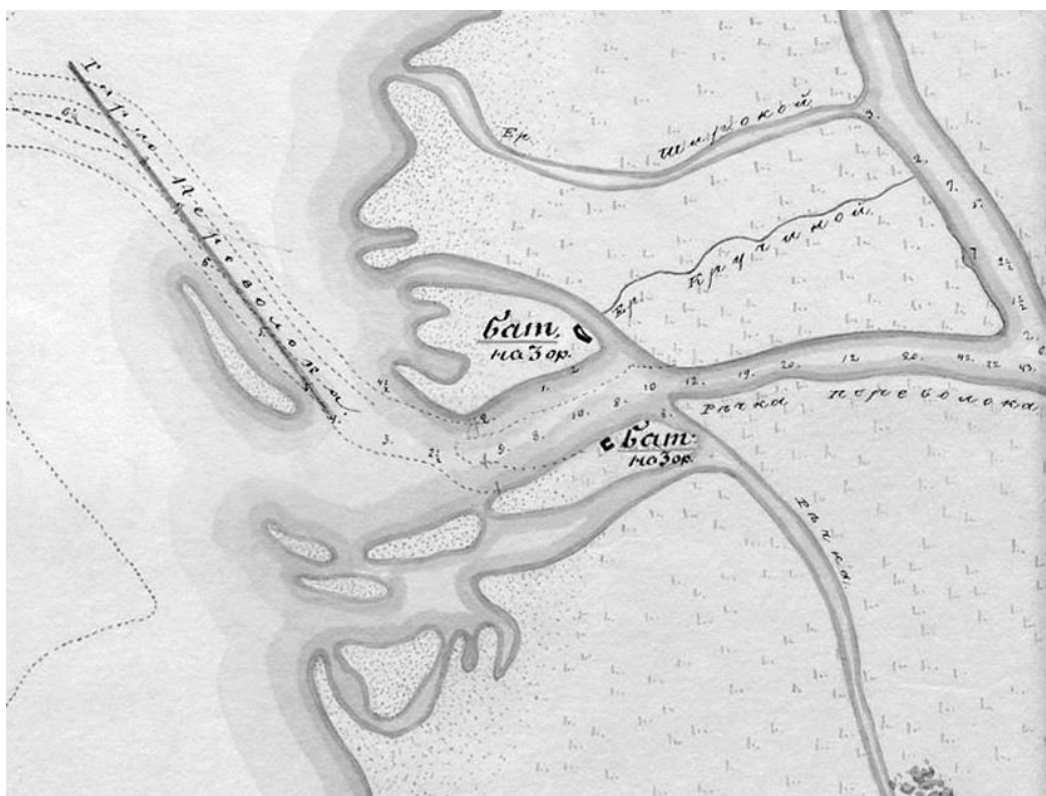

Рис. 2. Фрагмент «Генерального плана устьям реки Дона с показанием предполагаемых укреплений», с изображением батарей на о-вах Перебойном и Маслова.

Все имеющиеся документы (в том числе рапорты английских морских офицеров) свидетельствуют, что две трехорудийные батареи первоначально располагались на лежавших в устьях Переволоки и Егурчи островках Перебойном и Маслова. Капитан-лейтенант П. Е. Белявский, в 60-х гг. проводивший в гирлях исследовательские гидрографические работы, в своей книге это полностью подтверждает: «в устье Кутюрьмы, одна батарея была сооружена почти посредине острова Перебойного, а другая на острове Маслова» (*Белявский, 1872*).

О начале работ по возведению артиллерийских батарей на островах в устье Переволоки свидетельствуют лишь несколько записей в упомянутом выше «реестре». Известно, что 16 июля Елизаветовскому станичному правлению было поручено заменить ветхие дубы, на которых перевозился камень для запружений гирл, новыми и срочно выслать их в Переволочное гирло с большим числом рабочих, снабженных двухнедельным провиантом. А 20 июля последовало очередное «предложение» этому правлению о срочной высылке 25 дубов с рабочими «для доставле-

¹⁷ Ф. 349. Оп. 12. Д. 4754. Л.1.

ния камня на батарее и на запружение гирл». Наконец, в рапортах подполковника Донецкова Наказному атаману Хомутову и генерал-майору Карпову от 22 июля, он доносил «о производстве в течении 20, 21 и 22 числа сего месяца» работ по постройке батарей (*Государственный архив Ростовской области*).¹⁸

О русских батареях в Переволочном гирле, якобы уже вооруженных артиллерией, докладывал своему командованию Ш. Осборн – он обнаружил их 24 июля, во время попытки английского отряда проникнуть в Дон через «северный фарватер». К сведениям Осборна стоит отнестись с большой осторожностью – если на батареях и были какие-то орудия, то их готовность к бою более чем сомнительна. Да и сами батареи не могли быть так быстро построены. Во всяком случае, в одном из рапортов Донецкова Андриянову (под № 617 в упомянутом реестре) имеется донесение «о производстве исправно в течении 30, 31 июля и 1 числа августа батарейных работ»¹⁹. Судя по документам, постройка островных батарей была более или менее завершена лишь к середине августа.

Немало возникает вопросов об орудиях, которыми были вооружены батареи. Первое упоминание в документах о вооружении Переволочных батарей артиллерией относится лишь к 8 августа. Это предписание Гниловскому станичному правлению о «доставлении из оной (станции Гниловской – С.С.) станков в гирла Дона на батарею, для поставки на оных орудий».²⁰ Станки к батареям доставлялись на дубах, специально для этой цели посланных. При этом не ясно – имелись ли на батареях сами орудия, или их еще надо было доставить. Первый документ, в котором упоминаются артиллерийские орудия, датирован лишь 24 августа; это квитанция ростовскому мещанину Тихону Мартыненку о получении от него трех чугунных пушек, весом по 146 пудов 33 фунта каждая (т. е. это были морские 24-фунтовые пушки).²¹ Не меньший интерес представляет документ, также датируемый 24 августа – квитанция командиру резервной № 21 батареей капитану Стишевскому о принятии от фейерверкера Соколова присланных на батареи боеприпасов: 108 боевых 8-фнт. зарядов, 99 24-фнт. ядер, 9 ½-пуд. картечей, 125 скоропалительных трубок и т. д. Все эти боеприпасы предназначались для 24-фнт. орудий. В этот же день из таганрогского экипажного магазина для укомплектования батарей были высланы шесть железных цистерн с крышками.

Присутствие на Переволочных батареях Стишевского вызывает немалый интерес. Понятно, что для правильного обустройства батарей нужен был специалист, каковым и являлся командир батареи, артиллерийский капитан Стишевский. Вероятно, кроме него на островные батареи прибыли и другие артиллеристы. Вполне возможно (хотя никакими документами это не подтверждается), что, помимо людей, на Переволочные батареи из Гниловской станицы было доставлено и несколько легких орудий 21-й резервной батареи, тем более что на гниловских батареях проку от них было немного. К таковым орудиям относились 2 6-фнт. пушки и 2 ¼-пуд. единорога. Кроме того, на гниловской позиции имелся также и один ½-пуд. единорог из Новочеркасского артиллерийского парка.²² Между прочим, английские моряки, во время проведения рекогносцировки гирл 29 августа, обнаружив орудия на двух островных батареях, определили их как «небольшие». Возможно, уже позже легкие орудия стали заменяться тяжелыми морскими пушками.

¹⁸ Ф. 301. Оп. 22. Д. 62. Л. 2, 3 об., 5 об.

¹⁹ Там же. Л. 8 об.

²⁰ Там же. Л. 9.

²¹ Там же. Л. 14 об.

²² Там же. Ф. 344. Оп. 1. Д. 4120. Л. 38 – 39 об.

Между тем перевозка артиллерийских орудий на Переволочные батареи (не ясно, для увеличения их числа, или для замены легких орудий тяжелыми) продолжалась и позже. Очередная партия артиллерии была перевезена в гирла в конце сентября – начале октября. В упоминавшемся «реестре» среди документов от 30 сентября значатся два указания Елизаветовскому и Гниловскому станичным правлениям, а также капитану 2-го ранга Певцову (командующему Азовской гребной флотилией) об оказании содействия хорунжему Фалееву в доставке из Ростова орудий и станков «в Переволочное гирло».²³ К сожалению, не показано число этих орудий и их калибр.

Между тем, стоит упомянуть об одной из главных загадок Переволочных батарей – сколько их было построено, две или четыре? О том, что осенью 1855 г. на берегах реки Переволока были построены две новые батареи, указывает следующий документ. Это «Генеральный план низовьям реки Дона с показанием оборонительных работ, предпринятых в 1855 году» (*Российский Государственный военно-исторический архив*).²⁴ В отличие от упоминавшегося выше более раннего «Генерального плана устьям реки Дона...», данный чертеж, при меньших размерах и менее подробный, охватывает большую территорию – включает Аксайскую и Ольгинскую станицу, а также линию укреплений на Ольгинской дамбе (Третья линия). На данном чертеже имеется очень интересная деталь: передовые батареи показаны вовсе не на островах Перебойном и Маслова, а восточнее, по обоим берегам Переволоки. При этом северная (правобережная) батарея расположена несколько западнее от места разделения судоходного рукава Кутюрма, на собственно Переволоку и Большую Старую Кутюрму (Старое гирло), а южная (левобережная) – напротив, несколько западней устья ерика Переволочный.

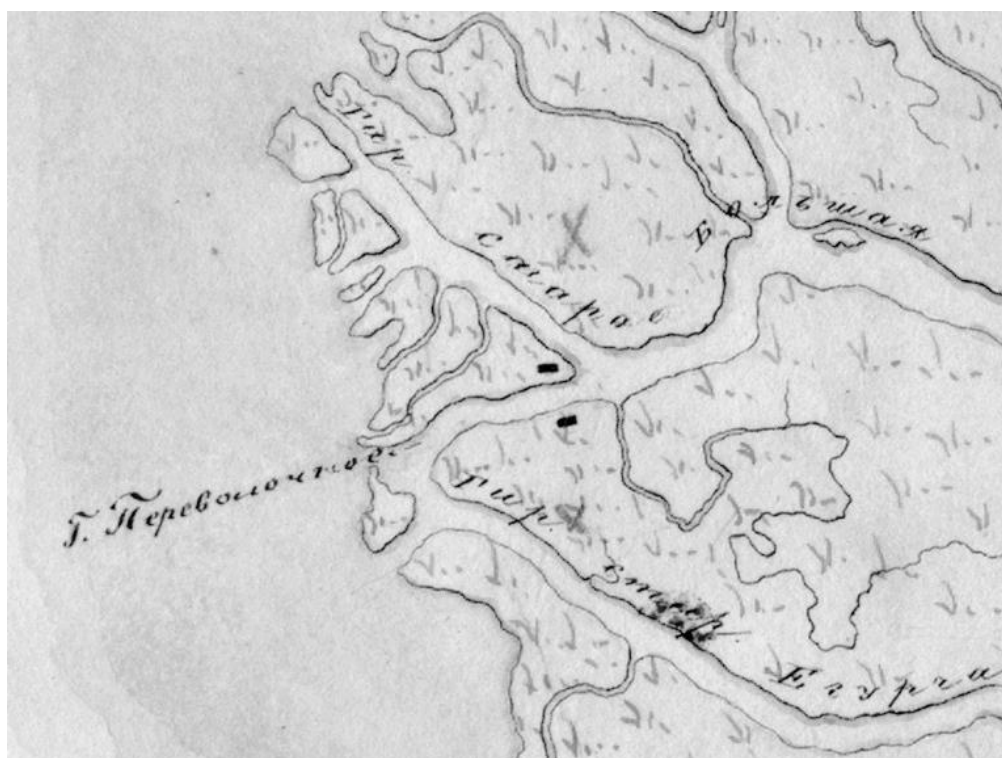

Рис. 3. Фрагмент «Генерального плана низовьям реки Дона с показанием оборонительных работ, предпринятых в 1855 году», с обозначением передовых батарей.

²³ Там же. Ф. 301. Оп. 22. Д. 62. Л. 25.

²⁴ Ф. 349. Оп. 12. Д. 4768. Л. 1.

Конечно, данную «нестыковку» можно отнести к банальной ошибке чертежника, тем более, данная карта не отдичается излишней детализировкой. Но, с другой стороны, можно предположить следующее: возможно, в ходе рекогносцировки местности выяснилось, что весной, во время паводка поверхность островов в устье Переволоки подвержена опасности подтопления, да и сами батареи, изолированные на малых островках, оказывались слишком уязвимыми. В итоге Передовые батареи были построены заново, на новом месте. Для подобного утверждения основания имеются.

На это указывают отрывочные сведения, содержащиеся в архивных документах. Известно, что не только в сентябре, но и в октябре на Переволочных батареях продолжались строительные работы. Так, например, известны отношение Донецкова от 7 октября в Кагальницкое волостное правление о высылке 8 каюков с людьми для доставки камня на батареи, а также его рапорт от 16 октября на имя походного атамана Ростовского отряда «о неимении лишних дубов для перевозки к гирлам строительных материалов» (*Государственный архив Ростовской области*).²⁵ То есть постройка батарей на Переволоке велась фактически до начала ноября 1855 г. – вплоть до времени роспуска в дома Стрелкового отряда. Наконец, очередная партия артиллерии – 6 чугунных 24-фунтовых орудий (так обозначено в документе) была доставлена «к Переволочным укреплениям» лишь в 20-х числах декабря.²⁶

Сами сроки строительства Переволочных батарей указывают на то, что число их было больше двух – трудно поверить, что на возведение двух небольших батарей на островах Перебойном и Маслова и их последующее обустройство ушло целых три с половиной месяца. Данный вопрос требует отдельного, более глубокого исследования.²⁷

Что же касается артиллерии, стоявшей на передовых батареях, то стоит отметить, что зимой 1856 г. командование приняло решение заменить на них морские 24-фнт. пушки аналогичными, но более легкими по весу пушко-карронадами. Пушки с батарей на Переволоке решили перевезти к укреплениям Первой линии, подрядив на эту работу частных лиц. Вскоре, однако, выяснилось, что желающих перевозить орудия не нашлось, а позже, уже в марте, перевозка орудий стала опасна, поскольку из-за теплой погоды лед на реках стал ненадежен.²⁸ Как бы то ни было, вероятно, к концу войны шесть морских 24-фнт. пушек все же удалось переправить на так называемое Полушкинское укрепление, находившееся на левом берегу речки Лагутник. В свою очередь, 4 марта на батареи в устье Переволоки было принято шесть 24-фнт. пушко-карронад «вместо находившихся там в большем размере».²⁹

В заключение повествования о Передовых или Переволочных батареях следует рассказать об их охране и работах на них в зимнее время. Как известно, после роспуска в дома чинов Стрелкового отряда в низовьях Дона все же остались служить несколько десятков казаков, урядников и офицеров. С середины ноября 1855 г. до конца марта 1856 г. на батареи в гирлах регулярно высылались команда казаков (6

²⁵ Ф. 301. Оп. 22. Д. 62. Л. 26, 29 об.

²⁶ Там же. Л. 41 об.

²⁷ В настоящее время география участка Донской дельты в районе устья Переволоки изменилась: море «отступило» к западу, остров Маслова «слился» с крупным дельтовым островом по причине зарастания одноименного ерика, а западнее его возникли два новых острова (Большой и Малый Дворян). На месте предполагаемого нахождения батареи на острове Маслова сейчас располагаются густые заросли камыша, а на Перебойном острове возведены пристань и современные постройки. Что же касается пары батарей, предположительно располагавшихся по берегам Переволоки восточнее устья, то, можно с некоторой долей уверенности говорить о сохранившихся остатках левобережного люнета. Во всяком случае, на современных спутниковых картах, у левого берега реки можно различить некий объект, имеющий вполне отчетливое искусственное происхождение.

²⁸ Там же. Л. 43 об., 45, 47.

²⁹ Там же. Л. 47 об.

человек) при одном уряднике для заступления в караул (в документах называются фамилии урядников Полякова, Ковалева, Попова). В зависимости от погоды караульная команда дежурила при батареях от одной до двух недель, а потом заменялась другой, в таком же составе. Вероятно, последней в караул к батареям с 13 марта заступила команда во главе с урядником Поповым, с заданием «заняться очисткою инвентаря батарей от снега и льда».³⁰

Зимой – весной 1856 г.г. боевые действия на всех театрах войны практически полностью прекратились. Обе стороны были измотаны затяжной войной и понесли огромные потери, большей частью небоевые.

Впрочем, российское командование готовилось к возможным боевым действиям в Приазовье в новом, 1856 году. Для обороны Донской дельты, на позициях в устьях Дона и на только что построенных укреплениях предполагалось расположить сильный, так называемый, Ростовский отряд – 3 пехотных батальона, 1,5 роты гарнизонных войск, 8 дружин ополчения, 2 Донских казачьих полка и одну артиллерийскую батарею (8 пеших орудий), не считая многочисленной артиллерии на укреплениях (*Краснов, 1864*).

18 (30) марта 1856 г. был заключен Парижский мирный договор, Россия была вынуждена признать свое поражение и пойти на значительные уступки Западным державам. Известия о мире дойдут до Дона и Приазовья с небольшим запозданием.

Практически сразу после получения известия об окончании войны, были прекращены все работы по обустройству Донских укреплений: они стали просто не нужны и через некоторое время оказались заброшены, а Переволочные батареи – в первую очередь.

Известно, что в начале мая была спешно проведена перевозка орудий и другого казенного имущества с Переволочных батарей в город Ростов, причем, в рапорте генерал-майору И.Н. Краснову 2-му указывалось, что перевозка орудий была «произведена по собственному желанию, а не по предписанию».³¹ Весь казенный лес, оставшийся на батареях, был перевезен в Каланчинское укрепление, которое на некоторое время стало своеобразным складским пунктом для хранения оставшихся неиспользованными строительных материалов (преимущественно дерева) и фашинника, под охраной казаков роты рабочего полка.³² Впоследствии Войско Донское неплохо обогатилось на продаже частным лицам строительных материалов, оставшихся от упраздненных редутов и батарей. На этом история артиллерийских батарей на берегах реки Переволока завершилась.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Степаненко Сергей Алексеевич

Заведующий сектором отдела автоматизированных архивных технологий и информационно-поисковых систем, Государственный архив Ростовской области

E-mail: garo@gosarhro.ru

Stepanenko Sergey Alekseevich

Head of the Automated Archival Technologies and Information Retrieval Systems Department,

State Archives of the Rostov Region

E-mail: garo@gosarhro.ru

Литература

1. Государственный архив Ростовской области.
2. Белявский П. Донские гирла. Одесса, типография Ульриха и Шульце. 1872. 263 с.

³⁰ Там же. Л. 36 об. – 45, 48.

³¹ Там же. Л. 51 – 51 об.

³² Там же. Л. 52 об. – 53.

3. Миргородский А.В. Оборона Таганрога и Приазовья во время Крымской войны. Иностраные документы и материалы по Азовской экспедиции 1855 года. Таганрог, И.П. Кравцов В.А. 2014. 600 с.
4. Duckers P., Mitchell N. The Azoff Campaign 1855, Squirrel Publications, 253 p.
5. Российский Государственный военно-исторический архив.
6. Краснов Н.И. Материалы по военной географии и военной статистике России, собранные офицерами Генерального Штаба. Военное обозрение земли войска Донского. С.-Петербург, тип. Департамента генерального штаба, 1864. 596 с.

References

1. State Archive of the Rostov Region.
2. Belyavsky P. (1872). *Don Girta*. Odessa, printing house of Ulrich and Schultze.
3. Mirgorodsky A.V. (2014). *Defense of Taganrog and Azov region during the Crimean War. Foreign documents and materials on the Azov expedition of 1855*. Taganrog, I.P. Kravtsov V.A.
4. Duckers P., Mitchell N. (1996). *The Azoff Campaign 1855*, Squirrel Publications, 253 p.
5. Russian State Military Historical Archive.
6. Krasnov N.I. (1864). *Materials on the military geography and military statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Military review of the Don Army land*. SPb., Department of the General Staff.

Поступила в редакцию

20 апреля 2020 г.

УДК 94 (470.3)

Большевистские воспоминания о событиях 1907-1914 гг.**в отечественных архивах****Л.В. Мининкова***Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. В историко-партийных исследованиях советского времени большевистские мемуары, содержащиеся в архивах, использовались главным образом для изучения описывавшихся в них событий. Между тем, в них далеко не всегда учитывалась смысловая нагрузка, содержащаяся в мемуарных текстах, которая была связана с особенностями того времени, когда эти мемуары создавались и публиковались. Особенностью использования мемуарных источников в историко-партийном исследовании было то, что из них, прежде всего, брались факты, относящиеся к истории партии и революционного движения. В целом это соответствовало одному из направлений историковедческой мысли того времени. Значительно шире на этот вопрос смотрели в методологии истории более позднего времени. Было обращено внимание на то, что как раз наиболее ценной и интересной для историка является их субъективная сторона. В настоящее время сформировалась необходимость изучения этих источников с учетом особенностей ситуации того времени, когда они создавались и выходили из печати. Мемуары большевиков о событиях 1907-1914 гг., как опубликованные, так и их рукописи, нуждаются в новом и более внимательном прочтении. Такое прочтение дает возможность более полно и глубоко понять положение в партии, выявить не только содержание мемуаров, но и заключенные в них смыслы, а также понять, что представляла собой личность революционера-большевика того времени.

Ключевые слова: РГАСПИ; ГАРФ; большевистские воспоминания; объективная, субъективная стороны мемуаров; образ В.И. Ленина в мемуарах.

Для цитирования: Мининкова Л.В. Большевистские воспоминания о событиях 1907-1914 гг. в отечественных архивах // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. №2. С. 46-50.

Bolshevik memoirs of the events of 1907-1914 in the national archives**Lyudmila V. Mininkova***Southern Federal University**Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. In Soviet-era historical-party studies, Bolshevik memoirs contained in archives were used mainly to study the events described in them. However, they did not always take into account the semantic load contained in the memoir texts, which was associated with the peculiarities of the time when these memoirs were created and published. The peculiarity of the use of memoir sources in the historico-party study was that facts related to the history of the party and the revolutionary movement were primarily taken from them. In general, this corresponded to one of the directions of source studies of the time. The methodology of history of later times looked at this issue much more broadly. Attention was paid to the fact that just the most valuable and interesting for the historian is their subjective side. Nowadays, the need to study these sources with the specifics of the situation of the time when they were created and went out of print has emerged. Bolshevik memoirs of the events of 1907-1914, both published and their manuscripts, need a new and more careful reading. Such a reading provides an opportunity to more fully and deeply understand the situation in the party, to identify not only the content of the memoirs, but also the meanings contained in them, as well as to understand what the personality of the Bolshevik revolutioner at that time was.

Key words: Russian state archive of social and political history; State archive of the Russian Federation; the Bolshevik memories.

For citation: Mininkova L. V. Bolshevik memoirs of the events of 1907-1914 in the national archives // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol 3. No 2. P. 46-50.

В связи со столетним юбилеем революционных событий в России, который продолжает отмечаться и в нынешнем году, сложились предпосылки для повышения интереса к роли партии, победившей в ходе революции и взявшей власть в стране. В отличие от советского периода, когда интерес к этой теме определялся с официоз-

ных позиций и означал раскрытие революционного опыта партии и служил цели воспитания на примере ее считавшегося героическим пути, в настоящее время обозначился более научный подход. Он означает анализ общей политической ситуации в стране, места в ней этой партии, ее внутреннего положения. Он означает также уяснение культурно-исторического и психологического феномена большевика как представителя революционной партии и партии, которая в исторической перспективе, менее чем через два десятка лет после революции, принесла стране тоталитарный режим и массовые репрессии.

В этом отношении одним из источников первостепенной значимости являются большевистские воспоминания. Значительная часть этих воспоминаний была опубликована в советский период. Прежде всего, это относилось к воспоминаниям о В.И. Ленине и о видных деятелях партии, о значимых событиях ее прошлого. Но, по разным причинам, далеко не все из этих воспоминаний были опубликованы. В значительной мере относится это к периоду 1907-1914 гг., который в советской историко-партийной историографии получил название периода реакции, а затем периода нового революционного подъема. Это не случайно. Это было очень сложным временем в истории революционного движения и партии большевиков, когда имел место кризис партии после революции 1905-1907 гг., когда в значительной мере деятельность партии проходила в эмиграции. Реальное положение в партии тех лет далеко не всегда соответствовало тому, как освещалось и оценивалось оно в историко-партийной литературе начиная со времени «Краткого курса истории ВКП(б)» и в более позднее время. Поэтому немало воспоминаний большевиков хранятся в архивах.

Эти рукописные и отпечатанные на машинке воспоминания хранятся в фондах центральных и местных архивов страны. В РГАСПИ содержатся документы фонда 70 Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б), которые собирались в период 1920-1928 гг. Согласно описи 3 этого фонда, имеются различные документы, в том числе воспоминания большевиков. По описи 2 этого же фонда содержатся воспоминания видных большевиков, которые писались по поручению Истпарта, посвященные памяти известных революционеров – Я.М. Свердлова, И.Ф. Дубровинского, В.П. Ногина. Фонд 72 этого же архива – редакция журнала «Пролетарская революция», выходившего в течение двадцати лет, в 1921-1941 гг. По описи 3, в фонд редакции этого журнала входят воспоминания и биографии, которые также построены в значительной мере на воспоминаниях. Фонд 124 составляют дела Всесоюзного общества старых большевиков, которое существовало в 1922-1935 гг. и было закрыто. По описям 1 и 2 этого фонда, в нем – личные дела ее членов, содержащие мемуарный материал. До 1991 г. это были фонды ЦПА ИМЛ.

В состав ГАРФ, образованный в 1992 г., вошел прежний ЦГАОР. В фонде 533 Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, существовавшего в 1921-1935 гг., содержатся дело 48а. Это - стенограмма вечера воспоминаний о В.И. Ленине, проведенного 21 января 1931 г. Наряду с этой стенограммой, в данном фонде имеются стенограммы воспоминаний о других видных деятелях партии. В частности, сразу после убийства С.М. Кирова, уже 8 декабря 1934 г., прошел вечер воспоминаний о нем. А 31 января 1935 г. был аналогичный вечер, посвященный умершему В.В. Куйбышеву. Некоторые фрагменты воспоминаний, относящихся к этим личностям, охватывали период 1907-1914 гг. Дело 395 из этого же фонда включает в себя стенограмму воспоминаний известных большевиков Бреслава и Горева о парижской эмиграции 1908-1912 гг. Дело 409 содержит воспоминания Э. Думпе о роли политических ссыльных в событиях апреля 1912 г. на Лене. Несколько дел, содержащих мемуарные материалы, имеется в личных фондах отдельных членов большевистской партии. Так, в фонде Р 5408 П.Г. Смидовича имеется дело 1 – его автобиография, в фонде Б.Г. Иванова 5449 –

автобиография (дело 1), его воспоминания о роли большевиков в нелегальном собрании булочников Филиппова в Петербурге (дело 36), и черновик воспоминаний «В годы «Звезды» и «Правды»» с авторской правкой (фонды 76-82).

Помимо центральных архивов, мемуарные материалы, относящиеся к деятельности большевиков за период 1907-1914 гг., имеются в государственных региональных архивах новейшей истории. Такие материалы имеются в двух фондах ЦДНИРО. Это – фонды 12 местного Истпарта и фонд 910 Партархива Ростовской области.

Особенностью использования мемуарных источников в историко-партийном исследовании было то, что из них, прежде всего, брались факты, относящиеся к истории партии и революционного движения. В целом это соответствовало одному из направлений источниковедческой мысли того времени. Известно, что такой выдающийся советский исследователь, как П.А. Зайончковский, полагал, что объективная сторона мемуаров является важнейшей для историка (*Зайончковский, 1976*). Значительно шире на этот вопрос смотрели в методологии истории более позднего времени. Было обращено внимание на то, что как раз наиболее ценной и интересной для историка является их субъективная сторона. В самом деле, она дает возможность уяснить место автора в событиях, отношение его к ним, и отсюда особенности изложения им материала в своих мемуарах. В некотором противоречии это находилось с установками, которые давал Истпарт своим авторам. От них требовали предельно возможной объективности, исключения субъективистского подхода, который выразился в характерной фразе из истпартовских рецензий, когда в качестве серьезного недостатка отмечалось «выпячивание своего я». Впрочем, для исторической мысли раннего советского времени, да и для более поздних лет, которая основывалась на позитивистской методологии истории с ее представлением об объективности как о важнейшем научном историческом принципе, все это не случайно.

Вместе с тем несомненно, что необходимо учитывать, когда и в каких условиях появлялся данный мемуарный текст. Это относится даже к текстам большевистских мемуаров, которые были посвящены В.И. Ленину. Так, следует иметь в виду, что для текстов, появлявшихся в двадцатые годы, когда вплоть до установления неограниченной власти Сталина в 1929 г. шла острая внутрипартийная борьба, смысловые акценты при формировании ленинского образа строились так, что это был образ вождя, непримиримого к отступлениям от партийной линии и уклонам. Так, в воспоминаниях старого большевика А. Пирейко указывалось, что на конференции РСДРП в июле 1907 г. в Териоках Л.Б. Каменев был решительным противником ленинской идеи участия большевиков в выборах в III Государственную Думу (*Пирейко, 1923*). Эти воспоминания были написаны в начале двадцатых годов, когда в партии уже шла острая борьба за наследие уходящего вождя. Следует, кроме того, иметь в виду, что сам А. Пирейко был в то время противником Л.Б. Каменева и поддерживал точку зрения В.И. Ленина о необходимости участия в думских выборах. Тем самым он создавал свой собственный положительный с партийной точки зрения образ. Несколько иную сторону конференции в Териоках освещал В.П. Ногин. Он подчеркивал, что в ходе конференции В.И. Ленин уделял внимание вопросу о профсоюзах (*Ногин, 1924*). Указание на эту сторону конференции было не случайно, если учитывать, что сам В.П. Ногин участвовал в профсоюзной работе. По-другому были расставлены смысловые акценты в воспоминаниях старой большевички Т.В. Людвинской. Ее воспоминания выходили в свет в 1969 г., накануне празднования столетия со дня рождения В.И. Ленина. В них были описаны две ее встречи с вождем партии и революции (*Людвинская, 1969*). Такой подбор сюжетов в публикации воспоминаний Т.В. Людвинской не случаен. В то время, когда при Н.С. Хрущеве шло разоблачение сталинских преступ-

лений, и стала широко освещаться тема массовых репрессий, это не могло не оставить свой след в сознании советского общества уже после того, как Н.С. Хрущев был снят со своего поста. В этой связи требовалось как бы отделить В.И. Ленина от Сталина, показать, что в отношениях к людям, по своему психологическому типу это совершенно разные люди, доказать, что «нарушения социалистической законности при Сталине» полностью противоречили духу ленинизма. Воспоминания тем самым на первый взгляд характеризуют В.И. Ленина, но на самом деле они дают представление прежде всего об обстановке, в которой создавался, редактировался и формировался их текст.

Вызывает сомнения утверждение ряда мемуаристов о принятии резолюции В.И. Ленина по работе в профсоюзах и легальных рабочих организациях на московской конференции августа 1907 г. Однако в мемуарах не всегда указывается, что часть большевиков не поддержала эту резолюцию (*Бобровская, 1932*). Тем самым авторы переносят на столь ранний период отношение к В.И. Ленину как к вождю революции, который сложился значительно позже. В действительности В.И. Ленин в то время еще не рассматривался как вождь, не имел соответствующего авторитета, и в возражениях ему не было чего-либо необычного.

Несомненно, что при создании образа В.И. Ленина большевик-мемуарист был очень связан нормами, традицией, трафаретом и этикетом. Несколько более свободным был мемуарист при освещении других тем, в том числе относящихся к периоду 1907-1914 гг. Но и при освещении этих тем тоже могли сказываться условности, определявшиеся партийной пропагандой. Так, в целом ряде воспоминаний разных авторов говорится о том, что в составе партийных организаций на местах после поражения в 1907 г. революции преобладали рабочие. Между тем, известно, что в революционных партиях, в том числе и среди большевиков, преобладали интеллигенты. Сам В.И. Ленин был невысокого мнения о политической сознательности рабочего класса, что заставляло его еще в книге «Что делать» сделать вывод о необходимости формирования политического сознания рабочего класса, которое изначально было не политическим, но тред-юнионистским, профессиональным, причем делать это должна революционная интеллигенция. Указания на пролетарский состав большевистской партии был не случаен. Он соответствовал образу этой партии как партии рабочего класса, который настойчиво внедрялся в сознание советского общества.

Мемуары большевиков о событиях 1907-1914 гг., как опубликованные, так и их рукописи, нуждаются в новом и более внимательном прочтении. Такое прочтение дает возможность более полно и глубоко понять положение в партии, выявить не только содержание мемуаров, но и заключенные в них смыслы, а также понять, что представляла собой личность революционера-большевика того времени.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мининкова Людмила Владимировна
Доктор исторических наук,
Профессор
Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет
E-mail: mininkov@aaanet.ru

Mininkova Lyudmila Vladimirovna
Doctor of Historical Sciences,
Professor
Institute of History
and International Relations,
Southern Federal University
E-mail: mininkov@aaanet.ru

Литература

1. Зайончковский П.А. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976. Т.1. 302 с.
2. Пирейко А. М. Партийная работа во 2-м Городском районе Петербурга (1905-1910 гг.). По личным воспоминаниям // Пролетарская революция. 1923. № 4 (16). С. 149-158.
3. Ногин В.П. 1906-1907 гг. // Вестник труда. 1924. № 3.
4. Людвинская Т.Ф. Великий, близкий и простой. М., 1969. 94 с.
5. Бобровская Ц.С. За первые двадцать лет. Записки рядового подпольщика. М., 1932. 326 с.

References

1. Zayonchkovsky, P.A. (1976). History of pre-revolutionary Russia in diaries and memoirs. M., Vol. 1.
2. Pireiko, A.M. (1923). Party work in the 2nd City District of Petersburg (1905-1910). From personal recollections // *Proletarian Revolution*, 4 (16), 149-158.
3. Nogin V. P. (1924). 1906-1907 // *Vestnik truda*, 3.
4. Ludvinskaya T.F. (1969). The Great, the Close and the Simple. M.
5. Bobrovskaya C. S. (1932). For the first twenty years. Memoirs of an underground member. M.

Поступила в редакцию

13 апреля 2020 г.

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам в области исследования макрорегиона Большого Кавказа в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Требования к оформлению статей соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIH PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Разделы журнала:

1. Геополитика Большого Кавказа
2. Религии и регионы Большого Кавказа
3. Этнология народов Большого Кавказа
4. Цивилизации и культуры Большого Кавказа
5. Социальные институты региона: прошлое, настоящее, будущее
6. Дискуссионная трибуна
7. Рецензии
8. Молодежный формат

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – не более 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Графики, диаграммы, схемы и рисунки представляются в формате Word 1997–2003 на отдельной странице. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.
- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.
- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.
- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.
- *Самоцитирование*. В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25.

Информация об авторе на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью), Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i>
Аннотация <i>(объем от 200 до 300 слов)</i>
Ключевые слова <i>Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой</i>

Информация об авторе на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке, <i>(Anna V. Ivanova) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте http://translit.ru, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.</i> Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация на английском языке <i>Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).</i>
Аннотация на английском языке <i>(объем от 200 до 300 слов)</i>
Ключевые слова на английском языке <i>Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой</i>

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г.И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 197–202.

Оформление русскоязычной литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по ссылке: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в АРА-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Author Guidelines

The journal accepts the articles for actual theoretical and practical issues of the research of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

The design of the articles meets the standards of international scientific journals in order to be accepted to the international databases in future.

Focus and Scope:

The journal offers the following subject headings in correspondence to the profile of the edition:

1. Geopolitics of the Great Caucasus.
2. Religions and Regions in the Great Caucasus.
3. Ethnology of the Peoples in the Great Caucasus.
4. Civilizations and Cultures in the Great Caucasus.
5. Social Institutions in the Region: Past, Present, Future.
6. Discussion Tribune.
7. Reviews.
8. Youth Format.

Languages of Publication:

The journal includes publications of articles in English and Russian.

The **recommended length** of articles is no more than 40 000 characters, spaces included, including illustrations, schemes, footnotes, bibliography, abstract and keywords.

Typesetting of article texts must be carried out on computers in the MS Word program (A4 format, one-and-a-half line spacing, font size 14, Times New Roman, justified alignment, margins from the top, bottom, left, right - 2 cm, page numbering is solid, starting with the first).

Schemes, tables, photographs and pictures must be numbered and are presented with the titles (inscription) or headings..

The recommended level of originality of the article is 80%

improper:

- Verbatim copying of another author's text of without attribution of his authorship, without reference to the source and the use of quotation marks.
- Incorrect paraphrasing, in which more than one sentence is changed within one paragraph or section of the text, or the sentences are arranged in a different order without a corresponding reference to the source.
- Use of graphic elements of another author's work without attribution (figure, table, etc.) and reference to the source. Authors must obtain permission from the copyright owner to use elements of their work.
- Self-plagiarism. If fragments of the manuscript were previously published in another article, the authors are obliged to refer to the earlier work, indicate what is the significant difference between the new work and the previous one and, at the same time, identify its connection with the research results and conclusions presented in the previous work.
- Self-citation. The references should not contain more than 20% of the works of the authors of the manuscript.

References are placed after the main text (at the end of it). The recommended number of used sources is 20-25.

The article are accepted by the **e-mail:** csb.journal@mail.ru

Information about the author

Title
First Name, Last Name (Anna Ivanova) Scientific degree, title, position E-mail: Tel .:
Affiliation
Abstract (Length 200-300 words) <i>Should contain the information on the purpose, structure, methods, conclusions of the research</i>
The keywords must consist of 5–10 words, separated by a semicolon
Highlights <i>Should reflect the key results of the research, presented in 3-5 items of the bulleted list</i>

The structure of the article

The article should be written in the international format – **IMRaD** (Introduction, Methods, Results, and Discussion).

Each part of the article reveals certain questions.

Introduction	What is the problem of the research? The introduction should determine the nature of the problem, indicate the purpose of the research, present its hypothesis and justify the importance of the study
Materials and Methods (Theoretical basis)	How was the problem studied before?
Results	What are the main findings or even discoveries? This part presents the results of the research in a clear logical sequence, without interpretation of the results. It is here tables, drawings and graphics are most often used.
Discussion	What do the results mean? The discussion should focus on the interpretation of the results and other related materials. This part should explain the importance of the observed opinion for the purpose of the study; link the results to the hypothesis.
Conclusion	The conclusion should summarize the results and its significance, describe the consequences and practical meaning of the research, give recommendations, if possible.
Acknowledgments	Reference to the grant (if any).
References	

Reference to bibliographical literature must be made **within the text** round brackets (Surname of the first author, year of publication. page).

For example, (Acemoglu, 2003. P. 630).

The bibliography should include only the sources used in the article with the links. The sources are listed alphabetically.

References

The design of References is based on **APA Style**, developed by the American Psychological Association, and widespread in social sciences. For more information: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

EXAMPLES:

BOOKS

Author (Year of publication). *Title*. Place of publication: Publishing house.

Cornell, S. (2005). *Small nations and great powers: a study of ethnopolitical conflict in the Caucasus*. London and New York: Routledge.

ARTICLES

Author (Year of publication). *Title*. *Journal*, Volume, Issue, Pages.

Barnes, L. (2005). Religion, Education and Conflict in Northern Ireland. *Journal of Beliefs Values*, 26(2), 123–138.

ELECTRONIC RESOURCE

Title. (Year of publication, if any). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

THESIS

Author (Year of publication). *Title*. (Doctoral Dissertation, University, City)

Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

BOOK UNDER THE GENERAL EDITORSHIP

Author (Year of publication). *Title*. In Editors (Eds.). Place of publication: Publishing house.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

ARTICLE IN THE CONFERENCE PROCEEDINGS

Author (Year of publication). *Title*. In *Conference title: Proceedings of the Scientific Conference*. Place of publication: Publishing house.

Skorynin, S.L. (2008). To the problem of marginality and culture in modern Russia. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.